

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

СТИВ БЕРРИ

МИФ
ЛИНКОЛЬНА

**Вот триллер, который
я люблю.**

Дэн Браун

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

Коттон Малоун

Стив Берри
Миф Линкольна

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Берри С.

Миф Линкольна / С. Берри — «Эксмо», 2014 — (Коттон Малоун)

ISBN 978-5-699-92175-1

Наши дни. В США подняли голову сепаратисты. Пользуясь тем, что вскоре после истечения своего второго срока уйдет в отставку сильный президент, они подготовили план выхода из состава страны нескольких ключевых штатов. А началось все в Юте, где до сих пор правит бал церковь мормонов. Издавна они владели важнейшей государственной тайной, которую доверил тогдашнему предстоятелю церкви Авраам Линкольн. Теперь же им просто нужно пустить в ход секретный документ, определяющий государственность США, – и страна сгорит в пламени новой гражданской войны. Но президент и его спецслужбы не могут допустить этого. Вырвать этот документ из рук мормонов поручено группе «Магеллан». А ее руководитель в очередной раз обратился к своему бывшему агенту Коттону Малоуну, зная, что тот уж точно не подведет...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-92175-1

© Берри С., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	48
Глава 12	52
Глава 13	55
Глава 14	58
Глава 15	61
Часть вторая	64
Глава 16	64
Глава 17	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Стив Берри

Миф Линкольна

Steve Berry

The Lincoln Myth

Copyright © Steve Berry, 2014. This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Бушуев А. В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

Вот триллер, который я люблю.

Дэн Браун

Огастесу Эли Райнхардту-четвертому, ни на кого не похожему молодому человеку, посвящается.

Любой народ, где бы он ни проживал, имеет право при наличии соответствующего устремления и необходимой для этого силы восстать и свергнуть свое правительство и создать то, которое будет устраивать его в большей степени. Это одно из самых ценных и самых священных прав – право, благодаря которому, как мы верим и надеемся, мир когда-нибудь станет полностью свободным. И названное право не ограничивается только теми случаями, когда весь народ без исключения желает его реализовать. Любая часть народа, которая обладает такой возможностью, имеет право на подобную революцию на той территории, которую она населяет.

Авраам Линкольн

12 января 1848 года

Благодарности

Мне приятно выразить мою благодарность Джине Сентрелло, Либби Маквайр, Ким Хоуви, Синди Мюррей, Дженнифер Херши, Дебби Арофф, Кэрол Левенштайн, Мэтту Шварцу, Скотту Шеннону и всем другим сотрудникам отдела рекламы и продаж. И коллективу издательства «Рэндом хаус» в целом.

Я также хочу поблагодарить Марка Тавани и Саймона Липскара за ценную помощь.

Особо должен отметить:

Гранта Блэквуда, сверходаренного романиста, который очень помог мне на первых этапах разработки сюжета;

Мерил Мосс и ее уникальный коллектив сотрудников, занимающихся рекламой (в особенности же Деб Ципф и Джериэнн Геллер);

Джессику Джоунз и Эстер Гарвер, от которых и по сей день зависит бесперебойная работа «Стив Берри энтерпрайзиз»;

Джона Коула из Библиотеки Конгресса США за организацию весьма полезного для меня визита;

Джона Басби из Де-Мойна, который показал мне Солсбери-хаус.

Особую благодарность выражаю Шоне Саммерс, замечательному редактору из «Рэндом хаус», которая обладает неисчерпаемой информацией относительно всего, что касается мормонов. Сразу же хочу оговориться, что все неточности и ошибки, которые могут встретиться в тексте, – следствие моего собственного невежества.

Ну и, конечно же, выражаю благодарность моей жене Элизабет.

Я посвящал свои романы родителям, детям, внукам, тетке, коллегам, своему редактору, лигагентам, деловым партнерам. Когда мы с Элизабет поженились, в нашей семье, кроме нас двоих, был еще и Огастес Эли Райнхардт-четвертый. На тот момент ему было всего четыре года. Теперь он уже подросток. Эли обожает своих родителей. Но мне хочется думать, что у него в сердце остался небольшой уголок и для меня. Так же, как и с Коттоном Малоуном, со мной часто бывает ох как несладко.

Но это совсем не значит, что я безразличен к тому, как относятся ко мне окружающие.

Поэтому свою нынешнюю книгу я посвящаю Эли.

Пролог

Вашингтон

10 сентября 1861 года

Аврааму Линкольну удавалось пока сдерживаться, но женщина, с которой он беседовал, явно испытывала его терпение.

– Генерал совершил то, что сочли бы правильным все достойные люди на свете, – решительно заявила она.

Джесси Бентон Фримонт была женой генерала армии США Джона Фримонта, в ведении которого находились все военные операции к западу от Миссисипи. Герой войны с Мексикой и прославленный путешественник, Фримонт получил свое последнее назначение в мае. Примерно месяц назад, когда Гражданская война на Юге была уже в самом разгаре, он без всяких согласований с кем бы то ни было издал указ об освобождении всех рабов, принадлежащих повстанцам в Миссури, с оружием в руках выступивших против центральной власти в Вашингтоне. Сам по себе этот указ был вопиющим проявлением самоуправства, но Фримонт пошел еще дальше и заявил, что все пленные будут расстреливаться.

– Мадам, – спросил Линкольн, стараясь не повышать голоса, – ваш муж действительно искренне полагает, что любой попавший в плен повстанец должен быть казнен?

– Эти люди обязаны уяснить себе, что они – предатели своей страны, а предателей всегда казнили.

– Неужели вы не понимаете, что стоит только начать, и конфедераты в качестве возмездия будут расстреливать всех наших солдат, взятых ими в плен? Око за око. Жизнь за жизнь. И так до бесконечности...

– Сэр, не мы начали этот бунт.

Взглянув на часы на каминной полке, Линкольн заметил, что время приближается к полуночи. Три часа назад в президентскую резиденцию поступило донесение: миссис Фримонт привезет президенту письмо от генерала Фримонта, а также намерена сообщить ему чрезвычайно важную информацию устно. И она просит назвать любое удобное для него время, когда он сможет принять ее, – либо сегодня вечером, либо завтра рано утром.

Президент ответил, что примет ее немедленно.

Они стояли в Красной гостиной. Линкольн прекрасно знал эту незаурядную женщину. Дочь бывшего сенатора США, получившая превосходное образование, выросшая в Вашингтоне и прекрасно разбирающаяся в политике, против родительской воли в семнадцать лет вышла замуж за Фримонта и родила ему пятерых детей. Она была надежной опорой мужу во время его странствий по Западу и находилась рядом с ним после его назначения военным губернатором Калифорнии и избрания одним из первых сенаторов от этого штата. Она помогала ему в организации предвыборной кампании, когда в 1856 году он стал первым кандидатом в президенты от Республиканской партии.

Фримонт получил прозвище Следопыт. Выдвижение Фримонта кандидатом в президенты вызвало невиданный энтузиазм среди его сторонников. В конечном итоге генерал все-таки проиграл Джеймсу Бьюкенену, но если бы жители Пенсильвании проголосовали за него, то он, несомненно, занял бы президентское кресло. Поэтому для Линкольна, ставшего первым избранным президентом от Республиканской партии, назначение Фримонта командующим военными силами на Западе было логичным и вполне предсказуемым поступком.

Поступком, в котором теперь он жестоко раскаивался.

Линкольн переживал один из самых тяжелых периодов в своей жизни.

То чувство необычайной гордости, которое он испытал в марте, принося присягу в качестве шестнадцатого президента США, теперь сменили тяжелые душевные муки, связанные с разгоревшейся Гражданской войной. Одиннадцать штатов вышли из состава США и образовали собственную конфедерацию. Они совершили нападение на форт Самтер, что заставило Линкольна принять решение о блокаде всех южных портов и о приостановке действия права *habeas corpus*¹. Тем временем армия северян потерпела позорное поражение при Булл-Ран, что стало серьезным потрясением для Линкольна. Оно убедило его в том, что конфликт будет долгим и кровавым.

И вот теперь еще ко всему прочему Фримонт с его всеобщим освобождением рабов...

Конечно, Линкольн прекрасно понимал чувства генерала. Бунтовщики нанесли сокрушительное поражение силам Союза Северных Штатов в южной части Миссури и теперь продвигались на север. Фримонт оказался в изоляции, обладая лишь небольшими человеческими и материальными ресурсами. Ситуация требовала решительных действий, и он ввел в Миссури военное положение. После чего зашел уже слишком далеко, издав указ об освобождении всех рабов, принадлежащих повстанцам.

Ни сам Линкольн, ни Конгресс так далеко никогда не заходили.

Несколько президентских посланий и даже непосредственное требование главы государства как-то смягчить условия приказа были Фримонтом проигнорированы. И вот теперь генерал присылает в качестве своего адвоката жену с письмом.

– Мадам, вы должны понять, что существуют более серьезные соображения, влияющие на принятие решений, нежели ситуация в Миссури. Вы сами совершенно справедливо напомнили мне, что идет война, и война жестокая. К несчастью, причины, приведшие к противостоянию сторон в этом конфликте, не столь однозначны.

Однако главной причиной противостояния, как это было всем известно, являлось рабство.

Правда, с точки зрения Линкольна, рабство вообще не было проблемой. Он уже обращался к сепаратистам с мирным предложением, в котором обещал им сохранение всех их рабов. Он даже разрешил им взять новый флаг, послать представителей в Монтгомери и сохранить свою Конфедерацию при условии, что они разрешат взимание пошлин в своих портах. Если южные штаты откажутся от выплаты пошлин, промышленность Севера будет подорвана, и общенациональное правительство признает себя банкротом. Тогда не потребуется никаких армий, чтобы с ним справиться. Пошлины – главнейший источник государственных доходов. Лишившись их, Север окажется в крайне бедственном положении.

Однако, напав на форт Самтер, южане тем самым выразили свое глубочайшее презрение ко всем его попыткам примирения.

– Мистер президент, я целых три дня ехала в переполненном поезде по ужасной жаре. Могу вас заверить, что путешествие было не из приятных. Но я приехала сюда потому, что генерал хочет, чтобы вы поняли: единственные соображения, которые имеют значение, – это соображения блага для всего нашего народа. Бунтовщики выступили против нас и взяли за оружие. Их нужно остановить и положить конец рабству.

– Я уже писал генералу, и ему прекрасно известно мое мнение на этот счет, – возразил президент.

– Он полагает, что оказался в чрезвычайно сложном положении из-за того, что ему противостоят люди, которым вы доверяете.

Это было странное замечание.

– Кого вы имеете в виду?

¹ Habeas corpus (с *лат.*, букв. «ты должен иметь тело») – юридическая норма в британском и американском праве, устанавливающая презумпцию незаконности задержания, т. е. гарантирующая личную свободу.

– Он считает, что ваши советники – те люди, которые находятся к вам ближе, чем он, – способны внушить вам большее доверие.

– И этим объясняется его неповиновение моим приказам? Мадам, его прокламация об освобождении рабов не может быть оправдана никакими военными обстоятельствами или какой-то другой необходимостью. Он принял политическое решение, которое не имел права принимать, так как оно не входит в сферу его компетенции. Несколько недель назад я направил к нему моего личного секретаря, мистера Хея, который попросил генерала изменить ту часть его указа, где он требует немедленного освобождения всех рабов в Миссури. На мою просьбу генерал никак не ответил. Вместо ответа, насколько я понимаю, он прислал вас для личной беседы со мной.

На самом деле все обстояло еще хуже. Как явствовало из донесения Хея, штаб Фримонта погряз в коррупции, его войска находились на грани бунта. И неудивительно. Фримонт всегда отличали упрямство, истеричность и бестолковость. Его карьера состояла из сплошных провалов. В 1856 году, проигнорировав советы политических советников, он сделал отмену рабства главным лозунгом своей президентской кампании. Однако страна была еще не готова к подобным революционным преобразованиям. Фримонт ошибся, положившись на собственные чувства. И эта ошибка привела его к поражению.

– Генерал убежден, – продолжала его супруга, – что война с бунтовщиками будет долгой и страшной. Одним оружием нам их не одолеть. А чтобы получить поддержку иностранных государств, мы должны принять во внимание и другие соображения. Генералу известно отношение англичан к вопросу о постепенном освобождении рабов и стремление многих заметных политических фигур на Юге пойти навстречу англичанам. Мы не можем допустить, чтобы это произошло. Как президенту, вам наверняка должно быть также известно, что Англия, Франция и Испания уже готовы признать суверенитет Юга. Англия – по причине своей заинтересованности в хлопке. Франция – потому что император нас не любит...

– Вы – настоящий политик, мадам.

– Я стараюсь быть в курсе событий. Да и вы сами как человек, которому этот высокий пост достался благодаря случайности, не должны отмахиваться от мнения окружающих.

Подобное оскорбление Линкольну приходилось выслушивать не в первый раз. Он победил на выборах 1860 года исключительно благодаря расколу в Демократической партии, которая совершила непростительную глупость – выдвинула двух кандидатов. Тем временем своего собственного кандидата выдвинула и партия Конституционного союза. Все трое получили 48 процентов голосов на прямых выборах и, соответственно, 123 голоса выборщиков. На долю Линкольна досталось 40 процентов общих голосов и 120 голосов выборщиков, что и обеспечило ему победу. Но он был всего лишь адвокатом из Иллинойса, а его опыт в большой политике ограничивался одним сроком в Палате представителей. В 1858 году он даже потерпел поражение на выборах в Сенат, проиграв своему давнему противнику Стивену Дугласу. И вот теперь, в пятьдесят два года реализовав свою мечту и заняв на очередные четыре года президентское кресло в Белом доме, Линкольн оказался в центре самого крупного конституционного кризиса за всю историю страны.

– Должен вам заметить, мадам, что не могу отмахнуться от мнений окружающих меня людей, так как я ежедневно вынужден их выслушивать. Генералу не следовало втягивать негров в эту войну. У войны иная, гораздо более значимая для страны цель, и негры не имеют к ней никакого отношения.

– Вы ошибаетесь, сэр.

Он разрешал стоявшей перед ним женщине те вольности, которые не позволил бы никому другому, понимая, что она всего лишь защищает своего мужа, как любая верная жена. Но супруги Фримонт приблизились к грани, за которой начиналась государственная измена.

– Мадам, из-за поступков генерала штат Кентукки готов перейти на сторону повстанцев. Мэриленд, Миссури и ряд других пограничных штатов могут в любой момент последовать его примеру. И если бы главной причиной нашего конфликта было освобождение рабов, мы, несомненно, потерпели бы поражение.

Миссис Фримонт хотела возразить ему, но он жестом заставил ее замолчать.

– Я не хочу, чтобы у кого-то возникали какие-либо сомнения по поводу той позиции, которую я занимаю. Моя задача – спасти Союз. И я буду добиваться этого теми способами, которые позволяет мне Конституция. Чем скорее будет восстановлена единая власть в стране, тем скорее Союз вернется к своему прежнему состоянию. Если бы я смог спасти его без освобождения рабов, то не задумываясь пошел бы на это. Если бы я смог спасти Союз только путем освобождения рабов, я бы тоже не задумываясь сделал это. И если бы я мог спасти его, освободив одних, а других оставив в рабстве, то, наверное, пошел бы и на это. Все мои действия по отношению к рабству и к цветному населению страны объясняются исключительно моим стремлением к благу нашего государства. И если я воздерживаюсь от каких-то действий, то лишь потому, что не считаю, что они смогут спасти Союз. В тех случаях, когда я чувствую, что делу единства может быть причинен вред, то бываю предельно осторожен. В тех же случаях, когда я уверен, что дело единства получит от этого пользу, я поступаю со всей возможной решительностью.

– В таком случае вы не мой президент, сэр. И я уверена, что те, кто голосовал за вас, также от вас отрекутся.

– Но, как бы вы ни относились ко мне, мадам, я остаюсь президентом, поэтому передайте, пожалуйста, мои слова генералу. Его направили на Запад с заданием продвигать армию к Мемфису и далее на восток. Таков приказ, полученный им, и генералу придется либо подчиниться ему, либо оставить свой пост.

– Должна предупредить вас, сэр, что вам будет тяжело противодействовать генералу. Он может за себя постоять.

Федеральная казна пуста. Военное министерство пребывает в хаосе. Армия Союза не имеет сил к наступлению. И теперь, ко всему прочему, еще и эта женщина со своим наглым мужем угрожают бунтом. Их обоих следует арестовать. К несчастью, самовольное освобождение рабов Фримонтом сделало его популярным среди аболиционистов и либеральных республиканцев, которым не терпится покончить с рабством. Решительный удар по их кумиру может стать политическим самоубийством для Линкольна.

– Наша встреча закончена, – сказал он.

Миссис Фримонт окинула его неприязненным взглядом – она явно не привыкла к тому, чтобы ее прогоняли. Но Линкольн сделал вид, что не обратил на ее взгляд ни малейшего внимания, подошел к двери и демонстративным жестом распахнул ее, предлагая супруге генерала удалиться. Миссис Фримонт проследовала мимо Хея, личного секретаря президента, не сказав ни слова. Линкольн дождался, когда захлопнулась входная дверь, после чего пригласил Хея.

– Какая настойчивая дама, – заметил он. – Мы ведь все время простояли. Она не дала мне возможности предложить ей сесть. Она с таким упорством испытывала мое терпение, что я, кажется, почти исчерпал все ресурсы вежливости, изо всех сил пытаюсь удержаться от оскорблений.

– Ее муж ничем не лучше. Как командир, он абсолютно бездарен.

Линкольн кивнул.

– Ошибка Фримонта в том, что он все пытается делать сам, единолично. Он дистанцируется от окружающих. И, как следствие, имеет весьма смутное представление о том вопросе, который хочет решить.

– Фримонт не желает никого слушать.

– Вы знаете, она ведь пригрозила мне, что генерал может создать свое собственное правительство.

Хей с брезгливой усмешкой покачал головой.

Президент сообщил ему о своем решении.

– Генерала следует отправить в отставку. Но только когда найдем ему достойную замену. Подберите кого-нибудь на этот пост. И постарайтесь сделать это без лишнего шума.

– Понимаю, – кивнул Хей.

Линкольн заметил у помощника в руках большой конверт и указал на него.

– Что это у вас?

– Сообщение, поступившее сегодня из Пенсильвании. Из Уитленда.

Президент прекрасно знал Уитленд. Родной дом его предшественника, Джеймса Бьюкенена. Человека, о котором так много дурного говорили на Севере. Многие считали, что именно из-за него Южная Каролина вышла из состава Союза, объясняя это решение необдуманным вмешательством северян в вопрос освобождения рабов.

Из-за решительного жесткого требования самого бывшего президента.

Вслед за этим Бьюкенен пошел еще дальше и заявил, что те штаты, в которых сохраняется рабовладение, будут сами решать собственные проблемы так, как сочтут нужным. Кроме того, северные штаты должны отменить все законы, которые поощряют бегство рабов. Если же этого не произойдет, то пострадавшие штаты, исчерпав все мирные и конституционные способы получить компенсацию за ущерб, понесенный вследствие потери рабов, будут иметь полное моральное право на революционное сопротивление правительству Соединенных Штатов.

Это заявление президента было равносильно подстрекательству к бунту.

– И чего же желает бывший президент?

– Я не вскрывал конверт. – Хей протянул пакет президенту. На лицевой стороне было начертано, что письмо предназначается лично мистеру Линкольну. – Я полагал, что пожелание мистера Бьюкенена следует уважать.

Президент страшно устал, а встреча с миссис Фримонт отняла у него остатки сил. Но ему было любопытно узнать, что же пишет Бьюкенен, которому в свое время почему-то так не терпелось оставить президентский пост. В день инаугурации, когда они ехали в экипаже из Капитолия, он во всем признался Линкольну. «Если вас так же радует ваш приход в Белый дом, как меня – возвращение в Уитленд, значит, вы по-настоящему счастливый человек».

– Можете идти, – сказал президент Хейю. – Я ознакомлюсь с посланием мистера Бьюкенена, а потом отправлюсь спать.

Секретарь ушел, и Линкольн остался в одиночестве. Он вскрыл восковую печать на конверте и извлек из него два листа. Один из них был пергаментный, пожелтевший от времени, покрытый пятнами, высохший и хрупкий. Второй – из мягкой веленовой бумаги, недавно исписанный темными чернилами твердым мужским почерком.

Линкольн начал с послания на втором листе.

«Я оставляю Вам страну в крайне удручающем состоянии, за что должен принести Вам свои извинения. Моей первой ошибкой было заявление на инаугурации, что я не собираюсь баллотироваться на второй срок. Мотивы, руководившие мною тогда, были предельно искренни. Я не хотел, чтобы на мое поведение в качестве руководителя правительства воздействовало что-либо другое, помимо стремления достойно и верно служить моему народу и навсегда остаться в его благодарной памяти. Но получилось совсем не так, как я ожидал. Вернувшись в Белый дом в день принесения президентской клятвы, я получил запечатанный пакет, примерно такого же размера и формы, как тот, что вы держите в руках. Внутри пакета находилось послание от моего предшественника, мистера Пирса, вместе со вторым документом, который я теперь посылаю Вам. Пирс писал мне, что данный документ был впервые

передан самому Вашингтону, который решил, что каждый президент должен передавать его своему преемнику, и каждый из них волен поступить с ним так, как пожелает. Мне известно, что Вы, как и многие другие, считаете меня виновником нынешнего конфликта, охватившего нашу страну. Но прежде чем осыпать меня проклятиями, прочтите, пожалуйста, этот документ. В свое оправдание я хочу сказать, что всеми возможными способами старался исполнять его требования. Я внимательно выслушал Вашу речь в день инаугурации. Вы назвали наш Союз вечным. Однако Вы выдаете желаемое за действительность. Многое совсем не таково, каким кажется на первый взгляд. Первоначально я не хотел передавать Вам этот документ. Более того, намеревался сжечь его. Но за прошедшие несколько месяцев, находясь вдали от суеты государственных дел и забот, связанных с общенациональным кризисом, я пришел к выводу, что от истины скрыться невозможно. Когда Южная Каролина вышла из нашего Союза, я официально заявил, что не исключаю того, что могу оказаться последним президентом Соединенных Штатов. Вы же, со своей стороны, публично назвали мое заявление нелепым. Возможно, со временем Вы поймете, что я не был таким уж глупцом, каким Вы меня, по-видимому, считаете. Теперь я убежден, что свято исполнил свой долг, хотя, может быть, был далеко не идеальным президентом. Каким бы ни был результат, я унесу с собой в могилу твердую уверенность, что всегда стремился к благу для своей страны».

Линкольн поднял глаза от письма. Какие странные ламентации! И к тому же какое-то послание, передаваемое от президента к президенту... Которое Бьюкенен хранил у себя до сегодняшнего дня?

Линкольн протер усталые глаза и поднес поближе второй лист. Чернила на нем почти выцвели. Текст написан изысканным витиеватым почерком, читать его не просто.

Внизу стояло несколько таких же витиеватых подписей.

Президент окинул взглядом документ, пытаясь ухватить его основное содержание.

Затем стал читать внимательнее.

Усталость как рукой сняло.

Как там писал Бьюкенен?

«Многое совсем не таково, каким кажется на первый взгляд».

– Этого не может быть! – пробормотал Линкольн.

Часть первая

Глава 1

Побережье Дании

Среда, 8 октября, 19.40

Коттону Малоуну хватило одного взгляда, чтобы понять, что у него появились проблемы.

Эресунн, пролив, отделяющий северный датский остров Зеландию от Скании, южной шведской провинции – одной из самых оживленных водных магистралей в мире, – сейчас был почти пуст. Только два суденышка виднелись на серо-голубых волнах: одно – принадлежащее Малоуну, и профиль какого-то другого, которое быстро приближалось к нему. Он заметил эту вторую лодку, как только они вышли из доков Ландскруне на шведской стороне пролива. Красно-белый двадцатифутовик с двойным внутренним двигателем. Сам же Малоун плыл на взятой напрокат в копенгагенском порту пятнадцатифутовой лодке с одним внешним двигателем. Мотор ревел, яхта вздымала спокойные прибрежные волны. Чистое небо, прохладный вечерний ветерок при полном отсутствии бриза – идеальная осенняя погода для Скандинавии.

Всего три часа назад Коттон работал в своей книжной лавке на площади Эйбро. И собирался поужинать в кафе «Норден», как делал почти каждый вечер. Но звонок от Стефани Нелл, его бывшей начальницы в Министерстве юстиции, заставил Малоуна стремительно изменить планы.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала она. – Я не стала бы тебя просить, если б дело не было таким срочным. Есть один человек по имени Барри Кирк. Короткие темные волосы, острый нос. Мне нужно, чтобы ты его нашел.

По голосу бывшей начальницы Малоун почувствовал, что дело действительно срочное.

– Я направила своего агента, но его задержали по дороге. Не знаю точно, когда он доберется до места назначения, но названного человека необходимо как можно скорее найти. Как можно скорее! – настойчиво повторила она.

– Полагаю, ты вряд ли скажешь, зачем он тебе так срочно понадобился.

– Не скажу. Не могу. Но ты находишься очень близко от него. Он сейчас на противоположной стороне залива в Швеции и ждет, чтобы его забрали.

– По твоему тону я чувствую, что возникли какие-то серьезные проблемы.

– Да. У меня пропал агент.

Коттону было всегда неприятно слышать подобные слова.

– Кирк может знать, где он находится, поэтому с ним необходимо связаться как можно скорее. Надеюсь, что мы пока еще не вляпались ни в какие серьезные проблемы. И потому тебе просто нужно привести его в свой магазин и дожидаться, пока мой человек не придет за ним.

– Я постараюсь выполнить твою просьбу.

– И еще одно, Коттон. Не забудь прихватить с собой оружие.

Он сразу же направился в свою квартиру на четвертом этаже над книжным магазином, отыскал под кроватью рюкзак, который у него всегда был наготове вместе с паспортом, деньгами, телефоном и «береттой», выпущенной специально для агентов отряда «Магеллан», которую Стефани позволила ему сохранить после ухода в отставку.

Теперь пистолет висел у него на поясе под курткой.

– Они приближаются, – заметил Барри Кирк.

Как будто Малоун сам этого не видит. Трудно тягаться с двумя двигателями.

Он твердо держал руль, решив довести мощность мотора до максимальной. Нос лодки то и дело взлетал вверх – она стремительно набирала скорость. Коттон оглянулся. На другой лодке находились два человека: один управлял ею, второй стоял с пистолетом в руках.

Да, подумал Малоун, с каждой секундой дело становится все опаснее.

Пересекая пролив на юго-запад по диагонали по направлению к Копенгагену, они еще не достигли середины и пока находились в шведской его части. Малоун мог бы, конечно, взять напрокат автомобиль и переехать пролив по Эресуннскому мосту, соединявшему датское побережье со шведским, но на это ушел бы лишний час. Путь по воде был быстрее, а Стефани торопила его, поэтому Малоун взял напрокат лодку в той конторе, услугами которой обычно пользовался. Лодку гораздо дешевле взять напрокат, нежели покупать, особенно принимая во внимание то, насколько редко он в последнее время отваживался выходить в море.

– И что вы собираетесь делать?

Идиотский вопрос. Этот Кирк – определенно зануда.

Малоун нашел его в доках, в том самом месте, где, по словам Стефани, он и должен был его ожидать. Она назвала Коттону пароль, чтобы Кирк понял, что имеет дело с ее посланцем. Малоун должен был представиться Джозефом, Кирк получил имя Мороний.

Станный выбор.

– Вам известно, кто эти люди? – спросил Коттон.

– Они хотят меня убить, – уклончиво ответил Кирк.

Лодка стремительно неслась в сторону Дании, вздымая корпусом волны.

– Почему же они хотят вас убить? – спросил Малоун, стараясь перекричать гул мотора.

– А кто вы сами-то такой?

Малоун бросил на Кирка неприязненный взгляд.

– Тот, кто пытается спасти вашу чертову задницу.

Вторую лодку отделяли от них уже каких-нибудь тридцать ярдов.

Коттон окинул взглядом горизонт во всех направлениях и не заметил ни одного другого судна. Опускались сумерки, небо из лазурного становилось свинцово-серым.

Выстрел.

Потом второй.

Малоун резко обернулся.

Второй человек на преследовавшей их лодке начал стрелять.

– На дно лодки! Быстро! – крикнул Коттон Кирку. Он сам тоже пригнулся, но судно, управляемое им, сохраняло прежний курс и скорость.

Грохнули еще два выстрела. Пуля с глухим стуком ударила в фибергласовую перегородку слева от него.

Вторая лодка теперь находилась на расстоянии пятидесяти футов от них. Малоун решил преподнести своим преследователям небольшой сюрприз. Он сунул руку назад, нащупал пистолет и выстрелил по ним.

Вторая лодка неожиданно развернулась к ним правым бортом.

От датского берега их отделяло чуть больше мили, они были почти в самой середине Эресунна. Вторая лодка сделала крюк вокруг них и теперь приближалась к ним справа, грозя перерезать им путь. Малоун заметил, что пистолет в руке преследователя сменил короткоствольный автомат.

Выбора не было. Начиналась игра в «кто первым струсит».

Вспышка автоматического огня сотрясла воздух. Коттон опустился на дно лодки, одной рукой продолжая удерживать руль. У него над головой зажужжали пули, причем несколько из них пробили нос лодки. Он рискнул поднять голову и посмотреть. Вторая лодка объезжала их сзади, чтобы нанести удар с тыла – там, где из-за открытой палубы они были наиболее уязвимы.

Малоун решил, что самым лучшим вариантом будет лобовая атака.

Но все нужно очень точно рассчитать.

Его лодка продолжала нестись вперед почти на предельной скорости. Второе судно следовало за ними по пятам.

– Не высовывайся! – приказал он Кирку.

Вряд ли тому пришлось бы в голову нарушить его приказ. Кирк лежал на полу у боковой панели. Малоун держал свою «беретту» так, чтобы ее не было видно преследователям. Вторая лодка стремительно приближалась.

Очень быстро. Пятьдесят ярдов... Сорок... Тридцать...

Малоун резко сбросил скорость и перевел лодку на холостой ход. Нос судна погрузился в воду. Еще несколько ярдов они проехали по инерции, затем остановились. Их преследователи неумолимо приближались.

Вот они уже поравнялись с ними. Человек с автоматом прицелился. Но прежде чем он успел спустить курок, Малоун выстрелил ему в грудь.

Лодка противника пронеслась мимо.

Коттон снова включил мотор.

Он видел, как в другой лодке рулевой присел, пытаясь нащупать упавшую винтовку. Лодке-преследовательнице пришлось совершить большую петлю, прежде чем она смогла снова выйти на прежнюю траекторию.

Один раз его уловка сработала, но вряд ли ему повезет еще раз.

До датского побережья оставалась почти целая миля пути, и у него не было никаких шансов уйти от преследователей. Можно, конечно, пытаться петлять, но на сколько у него хватит сил и снаровки? Нет, так не получится. Придется пойти на прямое столкновение.

Малоун пристально вглядывался в сторону датского берега, прикидывая свое местоположение.

Он находился примерно в пяти милях к северу от окраины Копенгагена, рядом с тем местом, где когда-то жил его старый друг Генрик Торвальдсен.

– Посмотрите сюда! – услышал он слова Кирка и обернулся.

Преследовавшая их лодка находилась на расстоянии сотни ярдов и продолжала приближаться. Но на темнеющем небе с западной стороны появился одномоторный самолет «Сессна», который шел на снижение. Его хорошо всем известный трехколесный посадочный механизм находился уже на расстоянии не более шести футов над поверхностью воды. Он, словно граблями, прошелся по лодке-преследовательнице, чуть не сбив колесами рулевого, который, правда, успел пригнуться, отпустив руль, из-за чего лодка резко отлетела влево.

Малоун воспользовался этим, чтобы направить свою лодку на преследователей.

Самолет снова набрал высоту и стал разворачиваться для следующего удара. У Коттона возникла мысль: понимает ли пилот, что на лодке есть оружие, из которого можно вести обстрел летающих объектов? И потому он решил на предельной скорости, которую ему позволял его мотор, двигаться на лодку-преследователя. Она застыла на месте, все внимание человека на ней было полностью сосредоточено на самолете.

Что позволило Малоуну беспрепятственно приблизиться.

Вначале он обрадовался тому, что внимание преследователей отвлекла «Сессна», но почти сразу же понял, что неожиданная помощь могла обернуться страшной катастрофой. Автомат человека в лодке был нацелен на самолет.

– Вставай! – крикнул Малоун Кирку.

Но тот не пошевелился.

– Не заставляй меня поднимать тебя!

Кирк встал.

– Держи руль! Постарайся, чтобы мы не сбились с курса!

– Я?.. Что?

– Выполняй! Быстро!

Кирк ухватился за руль. Коттон прошел на корму, нашел надежную опору и прицелился.

Самолет продолжал снижение. Человек на другой лодке держал свое оружие наготове. Малоун понимал, что шанс попасть из-за постоянных толчков судна у него невелик. Но человек на другой лодке внезапно осознал, что, помимо самолета, ему угрожает еще и лодка.

Что же делать?

Коттон выстрелил дважды. И промахнулся.

Третьим выстрелом он все-таки попал в лодку.

Человек на ней метнулся вправо, решив, что лодка представляет для него бóльшую опасность, чем самолет. Четвертый выстрел Малоуна угодил его противнику в грудь, и тот, перевалившись за борт, упал в воду.

Самолет с ревом приближался. Его шасси пронеслись над самой головой.

Коттон с Кирком пригнулись.

Малоун выхватил у Кирка рулевое колесо и, немного сбавив скорость, развернул лодку по направлению к преследователю. Они приближались с кормы. Коттон держал оружие наготове. Мертвое тело покачивалось в воде, еще одно лежало на палубе. Больше никого в лодке не было.

– Ты – серьезный источник проблем, – сказал Малоун, обращаясь к своему спутнику.

Вокруг них царило спокойствие, которое лишь немного нарушал холостой гул мотора. Вода безмятежно плескалась о борта обеих лодок. Предстоит связаться с местными властями, подумал Малоун. Со шведами? Или с датчанами? Однако, вспомнив о Стефани и оценив ситуацию, понял, что это далеко не самый лучший вариант. Стефани ненавидела разборки с местными властями.

Он поднял голову и увидел, что «Сессна» уже находится на высоте примерно двух тысяч метров и пролетает прямо у них над головой.

Затем с самолета кто-то прыгнул.

Раскрылся парашют, и его владелец стал спиралью опускаться, приближаясь к ним. Малоун несколько раз в жизни прыгал с парашютом и потому сразу же понял, что этот человек неплохо владеет своим ремеслом – он умело направлял парашют в сторону лодки. Ему удалось опуститься в воду на расстоянии менее пятидесяти ярдов от них.

Коттон медленно подогнал лодку к нему.

Молодому человеку, взобравшемуся на борт, скорее всего, не было еще и тридцати. Взъерошенные светлые волосы. Приятное, чисто выбритое лицо, согретое широкой белозубой улыбкой. На нем был темный пуловер и джинсы, плотно облежавшие мускулистое тело.

– Водичка здесь холодная, – заметил молодой человек. – Спасибо, что подождали меня.

Извините за опоздание.

Малоун указал в сторону самолета, удаляющегося на восток.

– На нем кто-то остался?

– Никого. Он летит на автопилоте. Но в нем совсем немного топлива, и через несколько минут он обязательно упадет и опустится где-нибудь на дно Балтийского моря.

– Вы довольно расточительны, скажу я вам.

Молодой человек пожал плечами.

- Тому типу, у которого я его украл, он был не нужен.
- Кто вы такой?
- О, извините, со мной такое иногда случается: я совершенно забываю о правилах этикета. – Он протянул Малоуну влажную руку. – Люк Дэниелс. Отряд «Магеллан».

Глава 2

Калуннборг, Дания

20.00

Хусепе Салазар ждал, когда его пленник придет в себя. Хотя пойманный был в полубессознательном состоянии, он прекрасно расслышал слова Хусепе: «Кончайте с этим».

Лежавший на пыльном каменном полу человек приподнял голову.

– Я не мог понять... все три дня... как вы можете быть таким жестоким... Ведь вы же верите в... Отца Небесного. Все считают вас верующим... религиозным человеком.

Хусепе, в отличие от своего собеседника, не видел в этом никакого противоречия.

– Пророки сталкивались с такими же, а то и с большими опасностями, нежели те, что угрожают мне сегодня. И тем не менее они никогда не уклонялись от исполнения того, что им предназначено судьбой.

– *Ты говоришь истину*, – сказал ему ангел.

Салазар поднял глаза. На расстоянии нескольких футов от него проплывало видение в широком белом одеянии, окутанное ослепительным, словно молния, светом.

– *Отбрось сомнения, Хусепе. Никто из пророков не колебался, исполняя предначертанное.*

Он знал, что его пленник не слышит ангела. Его не слышит никто, кроме самого Хусепе. Но человек на полу заметил, что взгляд Хусепе скользнул к задней стене камеры.

– На что вы смотрите?

– На прекрасное видение.

– *Он не может постичь то, что нам известно.*

Салазар взглянул на своего пленника.

– Кирк уже в моих руках.

Он еще не получил подтверждения тому, что произошло в Швеции, но его люди уже сообщили ему, что цель находится в поле их зрения. Наконец-то! Через три дня! И все это время его пленник лежал здесь, в камере, без еды и воды. Его бледное тело было покрыто ссадинами и синяками, губы потрескались, нос был сломан, глаза ввалились. Чтобы сделать мучения пленника совсем невыносимыми, в поле его зрения за решеткой поставили ведро с водой. Он его прекрасно видел, но достать не мог.

– *Дави на него!* – приказал ангел. – *Он должен понимать, что мы не потерпим подобной дерзости. Люди, пославшие его, должны знать, что мы способны дать им отпор. Еще многое предстоит сделать, а они встали у нас на пути. Ты должен сломать его.*

Хусепе всегда следовал советам ангела. А как могло быть иначе? Ведь ангел приходит от самого Отца Небесного. А этот пленник – шпион. Шпион, засланный врагом.

– *Мы всегда очень сурово поступали со шпионами*, – продолжил ангел. – *Вначале их было очень много, и они сумели причинить большой вред. Они должны получить воздаяние за него.*

– Но разве я не должен любить его? – спросил Хусепе у видения. – Он ведь тоже сын Божий.

– С кем... вы... разговариваете?

Хусепе Салазар повернулся к пленнику и задал ему свой обычный вопрос:

– На кого вы работаете?

И не получил ответа.

– Говорите!

Он почувствовал, что повысил голос. Весьма необычно для него. Салазар всегда говорил тихим и спокойным голосом, всегда старался сохранять внешнюю невозмутимость, умение поддерживать которую всегда усиленно развивал в себе. Он помнил слова отца: способность сохранять внешнюю благопристойность – давно утраченное искусство.

Ведро с водой стояло у его ног.

Он зачерпнул воду ковшом и через прутья решетки плеснул ее в лицо пленнику. Тот попытался слизнуть ее языком, чтобы хоть немного утолить жажду. Однако жажду, длящуюся уже три дня, утолить не так-то просто.

– Отвечайте на мой вопрос!

– Еще воды.

Хусепе давно не испытывал ни к кому никакой жалости. Он исполнял священный долг, и судьбы миллионов зависели от принимаемого им решения.

– *Необходимо искупление кровью*, – сказал ангел. – *Это единственный выход.*

Учение гласило, что существуют грехи, которым нет прощения ни в этом мире, ни в будущем. Но если у грешника откроется внутреннее зрение и он увидит свое истинное состояние, тогда он, конечно, согласится на пролитие собственной крови, чтобы смыть совершенные им страшные прегрешения.

– *Кровь Сына Божьего пролилась во искупление грехов человечества*, – сказал ангел. – *Но остаются грехи, которые можно искупить жертвой, принесенной на алтаре, как в древности. Однако есть грехи, не искупимые кровью агнца, тельца или горлицы. За них должна быть принесена человеческая кровь. Такие грехи, как убийство, прелюбодеяние, ложь, нарушение клятвы и богоотступничество.*

Хусепе присел на корточки и уставился на отверженного по ту сторону решетки.

– Вы не можете меня остановить. Никто не может помешать тому, чему суждено случиться. Но я готов оказать вам некоторое снисхождение. Только сообщите мне, на кого вы работаете и в чем состоит ваша цель, – и эта вода будет ваша.

Он набрал еще один черпак воды и протянул его пленнику. Тот лежал, вытянувшись, на полу, лицом вниз. Очень медленно он перевернулся на спину и обратил взгляд на потолок.

Хусепе и ангел ждали.

– Я агент... Министерства юстиции. Мы все... из-за вас.

Правительство Соединенных Штатов. На протяжении 180 лет оно продолжает оставаться основной помехой.

Но что на самом деле известно его врагам?

Человек перевел взгляд на Салазара. Усталые глаза пристально всматривались в него.

– Убив меня, вы ничего... не добьетесь. Только доставите себе... еще большие неприятности.

– *Он лжет*, – сказал ангел. – *Он считает, что нас можно запугать.*

Однако Салазар выполнил свое обещание и протянул пленнику черпак с водой. Тот схватил его и опрокинул себе в рот. Хусепе подвинул ведро поближе, и пленник начал жадно поглощать воду.

– *Не надо колебаться*, – сказал ангел. – *Он совершил грех, лишивший его права на Божью любовь. Он не может ее добиться, не пролив собственной крови. Пролит кровь, он искупит грех, будет спасен и воссоединится с Богом. На этом свете нет мужчины или женщины, которые не согласились бы пролить свою кровь ради того, чтобы достичь спасения и воссоединиться с Богом.*

Нет, конечно, нет.

– *Можно привести множество примеров того, Хусепе, как людей убивали ради того, чтобы они могли искупить свои грехи. И я видел десятки и сотни людей, у которых был*

шанс воссоединиться с Господом, если б их убили и их кровь пролилась бы, как благоуханный фимиам Всемогущему. Но этого не случилось, и теперь они слуги сатаны.

В отличие от того посланника, который беседовал с Салазаром и доносил до него волю Божью.

– Мы должны любить ближнего как самого себя. Если ему нужна помощь – помоги. Если он стремится к спасению и для его спасения необходимо, чтобы здесь, в земной жизни, пролилась его кровь, – пролей ее. Если ты совершил грех, требующий для своего искупления пролития крови, ты не должен успокаиваться до тех пор, пока твоя кровь не прольется во твое же спасение. В этом истинная любовь к человеку.

Салазар отвернулся от ангела и спросил пленника:

– Вы стремитесь к спасению?

– Почему это вас интересует?

– Ваши грехи чудовищны.

– Не более, чем ваши.

Но его грехи нельзя было назвать грехами. Ложь во имя истины – уже не ложь. Убийство во имя спасения души – не убийство, а акт любви. Хусепе Салазар должен был дать этому грешнику шанс вечного блаженства, и потому сунул руку в карман куртки и нащупал там пистолет.

Глаза пленника расширились от ужаса. Он отполз в сторону, но спрятаться ему было негде.

Убить его не составляло труда.

– *Еще не время*, – неожиданно произнес ангел.

Салазар опустил пистолет.

– *Он пока нам нужен.*

И видение стало подниматься вверх до тех пор, пока не рассеялось у потолка, а камера вновь стала темной и мрачной, какой была до появления божественного света.

Блаженная улыбка появилась на губах Салазара. Глаза его засветились новым светом, который был для него божественной наградой за послушание. Он взглянул на часы и отсчитал восемь часов назад.

В Юте сейчас полдень.

Надо сообщить старейшине Роуэну.

Глава 3

Юг штата Юта

12.02

Сенатор Таддеус Роуэн вышел из «Лендровера» и с наслаждением подставил лицо теплым лучам такого родного ему здешнего солнца. Он прожил в Юте всю свою жизнь. Теперь Роуэн был старшим сенатором от штата и занимал этот пост уже целых тридцать пять лет. Он обладал огромной властью и влиянием, настолько значительным, что министр внутренних дел лично прилетел сюда, чтобы сегодня его сопровождать.

– Здесь очень красиво, – заметил министр.

Южная часть Юты с такими достопримечательностями, как парки Капитол-Риф, Брайс-Кэньон и Арки, принадлежала федеральному правительству. Внутри Национального парка Зайон с северо-запада на юго-восток между федеральной трассой № 15 и шоссе № 9 протянулись 147 000 акров земли. Здесь когда-то жили индейцы-пайюты, но в 1863 году «Святые последних дней», двигаясь на юг от Соленого озера, вытеснили их отсюда и дали этой уединенной местности название «Зайон» – Сион. Айзек Бехунин, один из «святых», который первым поселился здесь вместе со своими сыновьями, говорил, что человек может молиться здесь Богу как среди храмов, возведенных самой природой, так и в храмах, построенных его собственными руками. Однако в ходе своего визита сюда в 1870 году Бригам Янг не согласился с такой оценкой здешних мест и назвал эту местность «НеСион». Прозвище за ней закрепилось.

Роуэн пролетел 250 миль от Соленого озера на юг на вертолете и приземлился вместе с министром на территории национального парка-заповедника. Здесь их ожидал местный смотритель. Должность председателя Комитета Сената США по ассигнованиям имела свои преимущества. И не последним из них было то, что ни цента федеральных денег ни при каких условиях не тратилось без его согласия.

– Удивительно красивая местность, – заметил сенатор, обращаясь к министру.

Сколько раз исходил он эту каменистую красную пустыню, полную щелевых каньонов, настолько узких, что солнечный свет никогда не достигает их дна. Небольшие городки вокруг парка были заселены «святými», или «мормонами», как большинство населения Штатов предпочитает их именовать. Некоторым «святými» – к ним причислял себя и сенатор – было абсолютно наплевать на то, как их называют. В середине XIX столетия всеобщая ненависть и предубеждения заставили их бежать все дальше на запад до тех пор, пока они не дошли до почти безлюдного бассейна Соленого озера. Предки сенатора были среди первых переселенцев, прибывших сюда 24 июля 1847 года. Тогда здесь не было ничего, кроме зеленой травы и, если верить легенде, единственного дерева.

«Пустынное великолепие», как охарактеризовал это место в те первые дни один из «святых».

Когда сюда прибыл в фургоне их предводитель Бригам Янг, терзаемый лихорадкой, он, по преданию, встал с постели и провозгласил: «Вот она, наша земля».

За ними последовали десятки тысяч других переселенцев. Они избегали больших дорог, продвигались по тропам, проложенным первыми «святými» переселенцами, и по пути высаживали злаки, чтобы следовавшие за ними могли утолить голод. Но в тот день сюда прибыла первая их волна: 143 мужчины, три женщины, двое детей, 70 фургонов, одна пушка, одна лодка, 93 лошади, 52 мула, 66 быков, 19 коров, 17 собак и несколько кур.

– Вон там, на вершине этого горного гребня, – сказал смотритель.

С места посадки вертолета в «Лендровере» сюда приехали всего трое. Все они были одеты одинаково: мокасины, джинсы, рубашки с длинными рукавами и шляпы. В свои семьдесят лет сенатор был все еще очень крепок и мог без труда пройти много миль в любом направлении по окружавшему его неземной красоты пейзажу.

– Мы находимся на расстоянии сорока миль от входа в парк? – спросил он у зрителя. Тот кивнул.

– Даже скорее пятидесяти. В этой местности действуют довольно строгие правила. Здесь запрещены пикники и походы. Щелевые каньоны слишком опасны.

Сенатору была прекрасно известна статистика. Ежегодно три миллиона посетителей приезжали в Зайон, благодаря чему он считался одной из самых привлекательных для туристов достопримечательностей Юты. Практически на все что угодно здесь требовались специальные разрешения, причем в таком количестве, что «дикие» туристы, охотники и многие другие заинтересованные лица запросили некоторого послабления в правилах. Сам сенатор был не против, но, вообще-то, старался не вмешиваться в подобные склоки.

Зритель провел их в каньон с практически отвесными стенами и густыми зарослями кленов. Дикая горчица и кустистый чаппараль с жесткой травой заполняли здесь все пространство. Высоко над ними на ярко-голубом небе проплыл и скрылся из вида красавец-кондор.

– Все вышло наружу из-за нарушителей, – пояснил зритель. – На прошлой неделе три человека незаконно проникли в эту часть парка. Один из них поскользнулся и сломал ногу, и нам пришлось его эвакуировать. Именно тогда мы и заметили это.

Зритель указал на темную щель в поверхности скалы. Роуэн прекрасно знал, что пещеры в песчанике образуются довольно часто. В Южной Юте их не одна тысяча.

– В августе в этом районе, – напомнил министр, – был ливневый паводок. Настоящий потоп в течение трех дней. Мы полагаем, что вход в пещеру обнажился именно тогда. До сего времени он был закрыт.

Сенатор взглянул на министра.

– И в чем же состоит ваш интерес здесь?

– Добиться того, чтобы председатель Комитета Сената США по ассигнованиям остался доволен услугами Министерства внутренних дел.

Однако Роуэн сомневался в искренности своего собеседника, так как администрацию президента Дэнни Дэниелса в течение последних семи лет мало заботило то, что думает старший сенатор от Юты. Они принадлежали к разным партиям. Партия сенатора контролировала Конгресс, а партия Дэниелса – Белый дом. Обычно такое распределение давало гарантию плодотворного сотрудничества и разумных компромиссов. Но в последнее время стало казаться, что дружеские чувства между ними внезапно остыли. В моду вошел термин «затор». Все усложняло также то, что второй срок Дэниелса подходил к концу, и было неясно, кто может занять президентское кресло после него.

Шансы обеих партий были примерно равны.

Но выборы больше не интересовали сенатора, у него были более грандиозные планы.

Они подошли к входу в пещеру. Зритель снял свой рюкзак и извлек из него три фонарика.

– Это вам поможет.

Роуэн взял у него фонарь.

– Ведите нас.

Они протиснулись внутрь довольно обширной пещеры высотой примерно в двадцать футов. Осветив вход, сенатор пришел к выводу, что когда-то он был гораздо шире и выше.

– В былые времена здесь имелся настоящий и довольно просторный вход, – заметил смотритель, – по размерам сходный с большими гаражными воротами. Но его намеренно заделали.

– Откуда вы знаете?

Смотритель фонариком указал вперед.

– Вы сами увидите. Но будьте внимательны. Здесь идеальное пристанище для змей.

Сенатор уже догадался. Шестьдесят лет странствий по самым отдаленным уголкам штата научили его уважать и эту землю, и ее обитателей.

На расстоянии пятидесяти футов дальше внутрь пещеры в темноте можно было разглядеть очертания каких-то предметов. Присмотревшись, Роуэн увидел три фургона. Ширококолесных. Наверное, десять футов длиной и пять шириной. И довольно высоких, хотя их покрытие уже давно истлело. Сенатор подошел поближе и испробовал на крепость один из них. Очень прочное дерево, вот только металлические обода на колесах покрылись ржавчиной. Такие фургоны обычно тянули четверки или шестерки лошадей, а порой – мулы и быки.

– Настоящий девятнадцатый век! – провозгласил смотритель. – Воздух пустыни и то, что они оказались запечатанными в пещере, поспособствовали их сохранности. Они находятся в идеальном состоянии, что случается довольно редко. И они, несомненно, въехали сюда через вход. Значит, когда-то он был значительно шире.

– Есть и кое-что еще, – добавил министр.

Сенатор взглянул в направлении луча света от фонаря и заметил кучу какого-то хлама. Обломки других фургонов, сваленные в одном месте.

– Они их уничтожили, – пояснил смотритель. – Я думаю, что перед тем, как фургоны начали ломать, их было больше двадцати.

Если уж быть совсем точным, то двадцать два. Но сенатор не стал поправлять смотрителя. Вместо этого он проследовал за ним к куче обломков. И там фонари высветили несколько скелетов. Сенатор подошел поближе. Гравий хрустел у него под ногами, словно только что выпавший снег. Он насчитал три скелета и сразу же понял, что послужило причиной их смерти.

Отверстия от пуль в черепе.

На скелетах оставались истлевшие обрывки одежды, а на головах у двоих из них были кожаные шляпы.

Смотритель поводит фонарем.

– Вот этот прожил немного дольше.

Сенатор увидел и четвертый скелет у стены пещеры. В черепе никаких пулевых отверстий. Но у него разбита вся грудная клетка.

– Его расстреляли в грудь, – пояснил смотритель. – Но он умер не сразу и успел написать вот это.

Фонарь осветил слова, начертанные на стене и напоминающие те настенные надписи, которые сенатор видел в пещерах в других районах Юты.

Он наклонился и прочел неровную надпись.

Фьельстед Хайд Вудрафф Иган
Да будет проклят Пророк.
Не забывайте нас.

Сенатор сразу же понял значение начертанных на стене имен. Только ему, одному из двенадцати апостолов Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней, было известно, кому они принадлежат.

– Мы решили обратиться к вам, сенатор, из-за упоминания в надписи Пророка, – сказал министр.

Сенатор напрягся, собрав волю в кулак, и произнес:

– Вы поступили совершенно правильно. Эти люди были «святыми».

– Мы тоже так решили.

На протяжении всей человеческой истории Господь общался со Своими детьми через пророков. Таких, как Ной, Авраам и Моисей. В 1830 году Джозеф Смит был посвящен небесами в Пророка Последних Дней для восстановления полноты евангелий в период подготовки ко второму пришествию Христа. Кроме того, Смит основал новую церковь. С тех пор уже семнадцать человек один за другим принимали звание пророка и президента. Каждый из этих семнадцати избирался из числа Двенадцати Апостолов, которые в иерархии церкви Смита шли сразу же за Пророком.

Цель Роуэна заключалась в том, чтобы стать восемнадцатым.

Нынешнее открытие могло помочь ему в достижении этой цели.

Он окинул взглядом пещеру и попытался вообразить то, что здесь произошло в 1857 году.

Особенности этого места очень точно соответствовали подробностям легенды, которая существовала с давних времен.

Но теперь она из легенды превратится в исторический факт.

Глава 4

Копенгаген, Дания

20.40

Малоун управлял лодкой, а Люк Дэниелс в одежде, насквозь промокшей из-за того, что последние мгновения своего приземления ему пришлось провести в воде, сидел, скорчившись, на дне, чтобы уберечься от холодного бриза, дувшего им в лицо.

– Вам часто приходится прыгать? – спросил Малоун.

– На моем счету больше ста прыжков, но я уже давно не опускался в воду.

Молодой человек указал на примостившегося у кормы Кирка и крикнул ему, пытаясь перекричать рев мотора:

– Знаешь, где ты у меня сидишь?

– Вы можете мне объяснить, что тут вообще происходит? – вмешался Малоун.

– А что вам говорила Стефани?

Хороший ход – ответить вопросом на вопрос.

– Только то, что пропал агент, а этот парень может знать, где он находится.

– Все правильно – и этот парень бежал, как паршивый пес.

– И почему же?

– Потому что он – доносчик. А доносчиков все ненавидят. – Люк снова повернулся к Барри Кирку. – Когда мы доберемся до берега, у нас с тобой будет серьезный разговор.

Тот ничего не ответил.

Люк подошел ближе к Малоуну, немного пригнувшись и стараясь уклониться от ветра.

– Скажите-ка, папаша, вы на самом деле такой крутой, каким вас все описывают?

– Я уже не такой крутой, каким был когда-то, но при случае могу стать и покруче.

– Вы что, знаете эту песню? Я люблю Тоби Кита. Был у него на концерте лет пять назад. Никогда бы не принял вас за любителя стиля «кантри».

– А я, кстати, до сих пор никак не могу понять, за кого можно принять вас.

– Просто за смиренного исполнителя приказов правительства Соединенных Штатов.

– Но и я являюсь чем-то в этом роде.

– Знаю. Стефани говорила мне.

– Вы должны понимать, – заметил Малоун, – что ваш самолет мог быть обстрелян автоматным огнем. И потому с вашей стороны было глупо лететь так низко.

– Я видел его автомат. Но тот человек стоял на раскачивающейся на волнах лодке, и мне показалось, что вам нужна моя помощь.

– Вы всегда так безрассудны?

Они приближались к береговой линии Копенгагена, и Малоун сбавил скорость.

– Вы должны признать, что полет был просто здоровский. Шасси находились на расстоянии менее шести футов от воды.

– Мне случалось видеть кое-что и покруче.

Люк с усмешкой приложил руку к груди.

– О, папаша, вы пронзили меня в самое сердце. Я знаю, что когда-то вы были одним из лучших стрелков в ВМС. Настоящим «истребителем» были. Но оставьте хоть что-то и на мою долю. Хотя бы самый маленький кусочек героизма. Ведь я вас, как-никак, спас.

– В самом деле? Я как-то не успел заметить.

В прежней своей жизни Малоун работал в составе первых двенадцати агентов в отряде «Магеллан». Он получил юридическое образование в Джорджтауне и, кроме того, в прошлом был офицером ВМС. Малоуну уже исполнилось сорок семь лет. Однако ему все еще

удавалось сохранять густую шевелюру, крепкие нервы и острый ум. На его закаленном теле остались отметины и шрамы от застарелых ран, полученных при исполнении служебных обязанностей. Именно эти раны и были одной из причин его ухода в отставку тремя годами раньше. Теперь он владел букинистической лавкой в Копенгагене, в которой, как ему казалось, можно было в мире и спокойствии провести остаток своих дней.

– Ну давайте не петушитесь, признайте, – продолжал гнуть свою линию Люк. – Вам вряд ли бы удалось уйти от тех ребят. Ведь не кто-нибудь, а именно я вытащил вас из этой переделки.

Еще немного сбавив скорость, Малоун проследовал мимо датской королевской резиденции, затем мимо пирса на набережной Нюхавн и въехал в один из тихих каналов датской столицы. Он причалил почти сразу же за дворцом Кристианбург, рядом с многочисленными кафе под открытым небом, в которых десятки завсегдаев ели, пили, курили и беспечно болтали. На расстоянии каких-нибудь пятидесяти ярдов отсюда располагалась всегда многолюдная площадь Эйбро и его дом.

Малоун заглушил мотор, затем неожиданно развернулся и заехал настоящим боксерским апперкотом Люку в нижнюю челюсть, отчего тот покатился по палубе. Но парень быстро пришел в себя, вскочил на ноги и приготовился к ответному удару.

– Для начала, – сказал Малоун, – прошу не называть меня папашей. Во-вторых, молодой человек, мне не нравится ваша самоуверенность, так как она может стать причиной ненужных человеческих жертв. В-третьих, кто были те люди, которые пытались нас убить? И, наконец, – он кивнул в сторону Кирка, – на кого доносит этот?

В глазах молодого человека Малоун прочел сильнейшее желание расчитаться с ним за полученный удар.

Но было в них и кое-что другое.

В нем как будто немного поубавилось спеси.

Однако парень не ответил ни на один из его вопросов. У Малоуна начало складываться впечатление, что с ним играют, как с ничтожной марионеткой, а такое ему никогда не нравилось.

– В самом деле пропал какой-то человек?

– В самом деле. И этот парень может сообщить нам, где он находится.

– Дайте мне ваш телефон.

– Откуда вы знаете, что он у меня есть?

– Он лежит у вас в заднем кармане. Я его видел. Специальная серия, разработанная для отряда «Магеллан». Водонепроницаемый на сто процентов. Таких в мое время не было.

Люк вытащил телефон и открыл его.

– Позвоните Стефани.

Юноша послушно набрал ее номер.

Малоун выхватил у него телефон и сказал:

– Забирайте своего Кирка и подождите возле того кафе. Мне нужно поговорить с ней без свидетелей.

– Я как-то не привык, чтобы мне отдавали приказы пенсионеры.

– Считайте это платой за то, что я выловил вас из воды. А теперь идите.

Малоун ждал, пока ему ответит Стефани, и наблюдал за тем, как Люк и Кирк выпрыгивают из лодки. «Я не дурак, – подумал Коттон, – я прекрасно понимаю, как вышколила Стефани этого выскочку и научила обращаться со мной». Возможно, сказала ему, что на Малоуна можно и нужно немного надавить, но не слишком, не переходя границ. В противном случае такой самовлюбленный позер, каким явно был Люк Дэниелс, уже давно налетел бы на него с кулаками. Хотя Малоун, в общем-то, не возражал, он давненько ни с кем настоящему не дрался.

– И сколько времени тебе удалось выдержать, прежде чем ты ему заехал по физиономии? – спросила Стефани, которая подняла трубку после пятого гудка.

– На самом деле я терпел чуть дольше, чем следовало бы. Кроме того, я прикончил двух плохих парней.

После чего он в подробностях рассказал ей о происшедшем.

– Коттон, я все поняла. У тебя в этом деле нет своего интереса. А у нас действительно пропал человек, у которого жена и трое детей. И мне необходимо срочно его найти.

Она прекрасно знала, какими аргументами можно воздействовать на Малоуна.

Люк с Кирком уже успели отойти от него шагов на пятьдесят. Конечно, по правилам, прежде чем звонить по телефону, ему следовало бы дождаться, пока они зайдут к нему в магазин, но ему не терпелось прояснить ситуацию, поэтому говорил он очень тихо, отвернувшись от кафе в сторону канала.

– Барри Кирку многое известно, – сказала Стефани. – От него необходимо получить нужную информацию. Потом он поможет мне здесь, а вы с Люком отправитесь на поиски моего агента.

– И ты думаешь, что от этого студентки будет какой-то прок?

– На самом деле он никаких университетов не кончал.

Малоун предположил, что Люку было, скорее всего, лет двадцать семь – двадцать восемь. Возможно, он из бывших военных, так как Нелл любила набирать людей именно из рядов армии. Однако демонстративное отсутствие в нем уважения к старшим и бесшабашное поведение с пренебрежительным отношением к дисциплине свидетельствовали против такого предположения.

И он явно не был юристом.

Но, насколько было известно Малоуну, Стефани в последнее время смотрела сквозь пальцы на это правило при наборе агентов.

– У меня сложилось впечатление, что он может стать настоящим наказанием для начальства, – признался Коттон.

– Мягко говоря. Но он очень полезный агент. Поэтому мне приходится терпеть его... э-э-э... несколько чрезмерную самоуверенность. Хотя он в чем-то очень похож на одного человека, который когда-то на меня работал.

– Те люди были здесь. – Малоун перевел разговор на другую тему. – В заливе. Они ждали нас. А это значит, что им либо невероятно повезло, либо они знали, что ты мне звонила. Твоему пропавшему агенту было известно, куда направляется Кирк?

– Нет. Кирку мы приказали ехать в Швецию.

Коттон чувствовал, что Стефани задается тем же вопросом. Каким образом преследователи узнали о его и Кирка местонахождении?

– Полагаю, ты расскажешь мне только то, что, по твоему мнению, я должен знать.

– Тебе прекрасно известны правила. Это не твоя операция. От тебя требуется только присмотреть за моими людьми, и всё.

– Постараюсь выполнить задание.

Коттон отключил телефон, выпрыгнул на берег и нагнал Люка и его спутника со словами:

– Ну, что ж, кажется, вы заполучили себе партнера на ночь.

– Я не мог бы попросить у вас блокнот и ручку, чтобы записывать все ваши ценные рекомендации?

– Вы всегда так выпендриваетесь?

– А вы всегда так любезны и дружелюбны?

– Кому-то же нужно следить за тем, чтобы ребяташки ненароком не свернули себе шею.

– Обо мне можете не беспокоиться, папаша. Обойдусь как-нибудь и без вашей заботы.

– Мне показалось, что я просил вас не называть меня папашей.

Люк напрягся.

– И ты получил от меня одно бесплатное напоминание в физиономию для закрепления урока. Но больше дармовщины не будет.

В зеленых глазах Малоуна читался нескрываемый вызов. Который, как ему показалось, был принят. Однако не сейчас. Может быть, немного позже.

Малоун кивнул на Кирка:

– Давай послушаем, что нам скажет этот стукач.

Глава 5

Атланта, Джорджия

14.45

Стефани Нелл взглянула на часы. Ее рабочий день начался в 6.00 – в Дании в это время был полдень, – и кажется, до его окончания еще очень далеко. Из ее двенадцати агентов девять сейчас выполняли задания. У остальных троих была передышка. Что бы там ни писали в шпионских романах и ни показывали в кино, но настоящие агенты не работают по двадцать четыре часа в сутки и по семь дней в неделю. Как ни странно, у большинства из них есть жены, дети и личная жизнь, никак не связанная с работой. Что на самом деле очень хорошо, так как работа агента чрезвычайно сложна и любому сотруднику нужен полноценный отдых.

Нелл создала отряд «Магеллан» шестнадцать лет назад. Он был ее любимым детищем, которое она холила, лелеяла и растила, проводя через все сложные периоды взросления. И вот теперь он превратился в полноценную разведывательную группу, на счету которой было несколько успешных операций.

Однако в данный момент все внимание Стефани занимала только одна проблема.

В Дании пропал ее агент.

Стефани бросила взгляд на часы, стоявшие на углу рабочего стола, и поняла, что пропустила время завтрака и обеда. Желудок начал напоминать о себе, и она решила перекусить в кафетерии тремя этажами ниже.

Нелл вышла из кабинета.

Вокруг царил тишина.

По ее изначальному замыслу, в «Магеллане» не предполагалось большого количества сотрудников. Кроме двенадцати основных оперативников, подразделение включало пять офисных сотрудников и трех помощников. Стефани всячески противилась любым попыткам расширения штата. Чем меньше лишних глаз и ушей, тем меньше вероятность утечки информации. До сих пор надежность «Магеллана» с этой точки зрения считалась идеальной.

В подразделении уже не было никого из первых двенадцати агентов. Последним четыре года назад ушел Малоун. В среднем в год Нелл заменяла по одному сотруднику. Ей везло – все ее новые агенты оказывались вполне надежными профессионалами, и какие-либо административные проблемы возникали у нее крайне редко.

Стефани прошла через главный вход и проследовала к лифтам.

Здание располагалось в тихом парке в северной части Атланты. Кроме ее подразделения, в нем находились также отделения Министерства внутренних дел, Министерства здравоохранения и социального обслуживания. В такой укромный уголок офис «Магеллана» отправили намеренно, по ее инициативе. На входе к ним висела небольшая, не бросающаяся в глаза табличка, сообщавшая о том, что здесь размещается специальный комитет Министерства юстиции.

Стефани нажала на кнопку и стала ждать лифта.

Дверцы распахнулись, и из кабины вышел худощавый мужчина с длинным лицом и густой седой шевелюрой.

Эдвин Дэвис.

Подобно Стефани, он сделал себе карьеру на государственной службе. Начиная с десятилетия лет назад в Государственном департаменте, где три секретаря использовали его для приведения в порядок дел в своем ведомстве. У него была докторская степень в области международных отношений, и, что самое важное, Эдвин обладал редкостным политическим

чутьем. Крайне общительный и обходительный человек, которого многие недооценивали, он долгое время работал помощником советника по национальной безопасности. И вот недавно президент Дэнни Дэниелс повысил его, сделав руководителем администрации Белого дома.

У Стефани сразу же возник вопрос: что такого произошло, что заставило Дэвиса пролететь пятьсот миль, никого об этом не предупредив? Ее непосредственным начальником был министр юстиции США, и в соответствии с протоколом его должны были ставить в известность о подобных передвижениях высшего руководства.

Однако ничего подобного сделано не было.

Но, возможно, это не деловой, а дружеский визит? Дэвис входил в круг ее ближайших друзей. Когда-то они много времени проводили вместе...

– Ты куда-то направляешься? – спросил он.

– Собралась в кафетерий.

– Тогда пойдем вместе.

– Я не пожалею потом, что согласилась?

– Не исключено. Но другого выхода нет.

– Ты помнишь, что в последний раз, когда мы тут, на этом самом месте, стояли с тобой и беседовали, прямо как сейчас, нас чуть не убили.

– Но мы ведь в конце концов все-таки вышли победителями.

Стефани улыбнулась.

– Да, такое не забывается.

Они спустились в кафетерий и нашли свободный столик. Нелл жевала морковь и запивала ее клюквенным соком – аппетит у нее начисто пропал. Дэвис ограничился бутылкой минеральной воды.

– Как дела у президента? – спросила Стефани.

Она не общалась с Дэнни Дэниелсом уже месяца три.

– Никак не дождется, когда закончится его срок.

Второй срок Дэниелса действительно скоро заканчивался. С ним заканчивалась и политическая карьера. Надо было отдать ему должное – он прошел огромный путь от члена городского совета в захолустном городке в штате Теннесси до президента Соединенных Штатов, два срока занимавшего свой пост. За это время, правда, он потерял дочь и жену.

– Он будет рад получить от тебя весточку, – заметил Дэвис.

Да и она была бы не прочь ему позвонить. Но понимала, что пока лучше подождать. По крайней мере, до окончания его президентского срока.

– Я обязательно с ним свяжусь. В удобное время.

Она и Дэниелс понимали, что их связывает нечто вроде взаимного притяжения – привязанность, возникшая благодаря тому, через что им пришлось вместе пройти. Но он все еще занимал пост президента Соединенных Штатов и был ее главным начальником. Будет лучше, если они продолжат сохранять в своих отношениях некую дистанцию.

– Я полагаю, ты прилетел сюда не для того, чтобы передать мне привет от президента. Поэтому давай переходи к делу, Эдвин.

Некое подобие улыбки появилось на лице ее старого друга. Для работы в органах безопасности он был уже, конечно, слишком стар, но благодаря его вполне юношескому телосложению ему никогда нельзя было дать его возраст.

– Насколько я понимаю, ты сумела кое-кого заинтересовать на Капитолийском холме.

Нелл тоже это знала.

На прошлой неделе к ней поступило шесть запросов о секретных данных из Сенатского комитета по ассигнованиям. В подобных запросах не было ничего необычного – Конгресс часто запрашивал информацию у разведывательных органов. Если какой-то отдел начинал упорствовать с предоставлением информации, за «вежливыми запросами» могли последо-

вать судебные повестки, которые уже нельзя было проигнорировать без соответствующей тяжбы в суде. Однако юридические склоки по поводу секретной информации случались крайне редко. Конгресс нельзя злить. В конце концов, у него в руках находятся источники ассигнований. Поэтому обычно все возникавшие разногласия решались тихо, и компромисс находился без излишней огласки. Однако те шесть запросов, что поступили к ней, не оставляли никакой почвы для компромиссов.

– Они затребовали всю информацию, касающуюся моего агентства, – сказала Стефани. – Сверху донизу. Финансовые отчеты, донесения агентуры, анализ деятельности – абсолютно все. Это что-то беспрецедентное, Эдвин. Почти всё из перечисленного – секретная информация. Я передала вопрос на рассмотрение министра юстиции.

– Который передал его мне. И я прилетел сюда, чтобы сказать тебе, что упомянутые запросы имеют отношение к той проблеме относительно Хусепе Салазара, которую мы с тобой обсуждали.

Шесть месяцев назад со звонка Дэвиса началось расследование отрядом «Магеллан» дела Салазара. Белому дому нужно было полное досье, включая все финансовые, деловые и политические связи этого человека. От колыбели до сегодняшнего дня. У Салазара были датский и испанский паспорта благодаря его родителям, которые являлись подданными двух разных стран. Половину года он жил в Испании, вторую половину – в Дании. Салазар был крупным международным предпринимателем. Наблюдение за деятельностью своих многочисленных предприятий, общий капитал которых достигал нескольких миллиардов евро, он передал помощникам, а сам все время посвящал исполнению обязанностей старейшины мормонской церкви. Во всех свидетельствах окружавших его людей он представал набожным и благочестивым человеком, ведущим образцовую, высоконравственную жизнь и не замешанным ни в каких преступлениях. То, что такой человек мог привлечь к себе особое внимание Белого дома, вызывало у Стефани массу вопросов. Но, будучи ответственным и опытным сотрудником, вслух она их не задавала. Что было, по-видимому, ошибкой с ее стороны. Нелл поняла это только три дня назад, когда агент, которого она направила в Европу для сбора досье на Салазара, внезапно исчез.

– Мой агент, работавший по делу о Салазаре, куда-то пропал, – сказала она. – Несколько моих людей сейчас заняты его поисками... Во что ты меня втянул, Эдвин?

– Я ничего не знаю об этом. А что случилось?

– Ситуация внезапно осложнилась. Один из сотрудников Салазара, человек по имени Барри Кирк, связался с моим агентом. У него якобы имелась важная внутренняя информация, и он даже утверждал, что его начальник, возможно, кого-то убил. Мы не могли оставить без внимания подобную информацию. В настоящее время Кирк находится у нас под охраной, но во время его перевозки были убиты два человека Салазара. Их застрелил Коттон.

– Как тебе удалось его привлечь к этому делу?

В свое время Дэвису приходилось несколько раз пересекаться с Малоуном.

– Он оказался недалеко от места событий, и пропажа агента ему тоже очень не понравилась.

– Хусепе Салазар связан с сенатором Таддеусом Роуэном.

– И ты только сейчас говоришь мне об этом?

Роуэн был председателем Комитета Сената США по ассигнованиям. На всех шести запросах стояла его подпись.

– Я скрывал это от тебя отнюдь не по своей инициативе.

Стефани поняла, что он имеет в виду. Только один человек мог своим приказом помешать руководителю администрации Белого дома передать ей информацию.

– Президент должен понимать, что ты не можешь ожидать от меня эффективного выполнения работы, скрывая столь важную информацию, – недовольно заметила Стефани. –

Результатом происшедшего стала недопустимая ситуация, при которой, возможно, погиб один из наших людей.

Дэвис понимающе кивнул.

– Я разделяю твои чувства.

Но было и кое-что еще.

Да, делом Салазара в настоящее время занимались двое ее агентов: Люк и тот, которого она считала пропавшим. Теперь к ним еще присоединился и Коттон Малоун – по крайней мере, на сегодняшнюю ночь. С ним вместе их стало трое.

Но был еще и четвертый.

Тот, о ком она ничего не сказала Малоуну.

Глава 6

Калуннборг, Дания

20.50

Салазар улыбнулся, войдя в ресторан и заметив свою сегодняшнюю гостью. Он опоздал, но успел позвонить и передать свои извинения, попросив официантов угостить ее бокалом любого вина, которое она пожелает испробовать.

– Мне очень жаль, – сказал он, обращаясь к Кассиопее Витт, – но меня задержали очень важные дела.

Они были друзьями детства. Хусепе был на два года старше ее. Их родители были деловыми партнерами. В молодости они стали еще ближе друг другу, встречались в течение пяти лет, но неожиданно Кассиопея почувствовала, что их взаимное притяжение гораздо полезнее их родителям, чем ей самой.

По крайней мере, именно в таких словах она все объяснила Хусепе.

Однако ему, в отличие от нее, была известна истинная причина ее охлаждения.

Между ними пролегла гораздо более глубокая пропасть, чем она полагала.

Хусепе родился в семье, принадлежавшей к Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней. Она – тоже. Для него принадлежность к Церкви была главным основанием, краеугольным камнем жизни, для нее же практически ничего не значила.

Прошло одиннадцать лет с их последнего свидания. Нет, они никогда не порывали отношений полностью, время от времени встречаясь на различных мероприятиях и банкетах. Хусепе было известно, что Кассиопея переехала во Францию, где начала строительство замка, используя материалы и технологии исключительно XIII века. Строительство, естественно, продвигалось очень медленно. Он видел фотографии и строящегося замка, и ее загородного особняка. И тот и другой были оригинальны и живописны.

Как и их владелица.

– Ничего страшного, – ответила Кассиопея на его извинения, – у меня было время полюбоваться потрясающим видом.

Калуннборг возник некогда как поселение викингов на западном побережье Зеландии и до сих пор остается одним из древнейших городов Дании. Его выложенную брусчаткой площадь украшала уникальная церковь Девы Марии, архитектурный шедевр XII века с пятью восьмиугольными башнями. Кафе тоже располагалось на площади и было до отказа заполнено посетителями, сидевшими за столиками, озаренными огоньками свечей. Им с Кассиопеей, по просьбе Хусепе, отвели столик у окна, выходившего на площадь, из которого открывался великолепный при ночном освещении вид на церковь.

– Я целый день с нетерпением ждал этого ужина, – сказал ей Хусепе. – Мне здесь очень нравится. Я рад, что ты наконец смогла приехать ко мне.

Его мать была неразговорчивой, крайне замкнутой датчанкой, преданной своему мужу и шестерым детям, из которых он был самым младшим. Когда мормонские миссионеры прибыли в конце XIX века в Данию, ее семья одной из первых вступила в Церковь Святых Последних Дней. Его дед с материнской стороны помог организовать первый приход церкви мормонов в Скандинавии, за которым последовали и другие многочисленные приходы. Со временем приходы объединялись в епархии. То же самое происходило и в Испании, где проживала семья отца Салазара. По истечении определенного времени оба его деда возглавили крупные епархии. Хусепе унаследовал датскую недвижимость матери в Калуннборге и жил здесь каждый год с мая по октябрь, спасаясь от испанской жары.

Появился официант, и Хусепе заказал стакан минеральной воды. Кассиопея, со своей стороны, последовала его примеру. Им предложили меню, и они оба углубились в его изучение.

– Ты все-таки завтра уезжаешь? – поинтересовалась она.

– К сожалению, да. У меня есть одно дело, которое требует серьезного внимания.

– Как жаль... Мы ведь только-только возобновили наше знакомство.

– Но ты была как-то уж чрезмерно скрытна. И пока я не возражал. Однако пора ответить на кое-какие вопросы. Почему ты вернулась? И почему ты все-таки решила приехать сюда?

В первый раз после долгого перерыва Кассиопея позвонила ему пять месяцев назад. За этим звонком последовало еще несколько, а также электронные письма. Результатом очередного телефонного разговора на прошлой неделе стало его приглашение приехать в Данию.

Она приняла приглашение.

– Я подумала, что, возможно, во многом ошибалась.

Ее слова заинтриговали его. Он отложил меню в сторону.

– Становясь старше, я начала понимать, что вера моих родителей вовсе не была такой уж глупостью.

Хусепе было прекрасно известно, что, подобно ему, Кассиопее с ранних лет читали Книгу Мормона, ее учили Доктрине и Заветам и рекомендовали читать «Драгоценную Жемчужину». Читая ее, Кассиопея познакомилась с откровениями пророков, возглавлявших Церковь, и приобрела понимание ее истории. Каждый «святой» должен был изучать эти писания.

Однако Хусепе было известно, что Кассиопея взбунтовалась. И отвергла свое наследие.

К счастью, ее родители к тому моменту уже умерли, иначе ее измена стала бы для них страшной трагедией.

– Мне так долго пришлось ждать этих твоих слов, Кассиопея! – воскликнул Хусепе. – Ведь твое отрицательное отношение к Церкви было основной причиной нашего разрыва.

– Я помню. Тогда ты только собирался возглавить приход. Теперь же ты член Первого Кворума Семидесяти и всего в одном шаге от того, чтобы стать членом Кворума Двенадцати Апостолов. Наверное, ты первый испанец, удостоившийся такой высокой чести.

Салазар чувствовал, что в ее голосе звучит искренняя гордость за него.

Руководство Церковью осуществляет Первое Президентство, в которое входит Пророк и два избираемых советника. Им подчинен Кворум Двенадцати Апостолов, члены которого пребывают в нем пожизненно и помогают Пророку формировать политику Церкви.

Затем шли различные Кворумы Семидесяти, каждый член которых являлся уважаемым старейшиной с подчиненными ему организационными и административными структурами. Считалось, что члены Кворумов Семидесяти наделены апостольским авторитетом как особые свидетели Христа. Многие апостолы вышли из рядов Семидесяти, а все Пророки должны были пройти этап апостолов.

– Я хочу заново открыть то, что когда-то утратила, – призналась Кассиопея.

Появился официант с минеральной водой.

Салазар протянул руку и слегка сжал запястье своей собеседницы. Но казалось, его жест совершенно не удивил ее.

– Я буду очень счастлив, если сумею помочь тебе в новом обретении веры. Это будет для меня великой честью.

– Поэтому я и нашла тебя.

Хусепе улыбнулся. Он продолжал держать ее за руку. Истинные Святые Последних Дней считают секс вне брака грехом, поэтому у него с Кассиопей никогда не было физических отношений.

Но было истинное чувство.

Причем настолько сильное, что оно пережило все перипетии последних одиннадцати лет.

– Я голоден, – сказал Хусепе, пристально глядя на нее. – Давай по-настоящему поужинаем. А потом я тебе кое-что покажу. Дома.

– Буду ждать с нетерпением, – улыбнулась Кассиопея.

Глава 7

Атланта, Джорджия

Стефани была карьерным адвокатом. Сразу по окончании юридической школы она начала работать в Госдепе, затем перешла в Министерство юстиции, где поднялась до заместителя генерального прокурора. В конечном итоге ей ничего не стоило получить высокий пост в администрации президента страны, однако отряд «Магеллан» радикально изменил ее жизнь. Возникла идея создать специальную следственную группу вне рамок ФБР, ЦРУ и военной разведки, напрямую подотчетную исполнительной власти, агенты которой были бы спецами как по части шпионажа, так и юриспруденции.

Независимую. Передовую. Незаметную.

Так было в идеале.

Но замысел все-таки сработал.

Нет, Стефани была в курсе политических интриг. Она служила президентам и генеральным прокурорам, как из числа республиканцев, так и демократов. Хотя Дэнни Дэниелс дважды получил президентское кресло, обещая стране сотрудничество обеих партий, последние семь с половиной лет он провел, сражаясь на фронтах свирепой политической войны. Имели место случаи предательства, как со стороны вице-президента, так и одного генерального прокурора, а также бывшего помощника секретаря национальной безопасности. Была даже попытка покушения. Эти кризисы и была призвана разруливать Стефани и отряд «Магеллан». И вот она снова в деле. В самой гуще чего-то чрезвычайно важного.

– Ты когда-нибудь задумывалась о том, что будешь делать, когда тебе придется отсюда уйти? – спросил ее Дэвис.

Они сидели в том же кафетерии, пустом в этот послеполуденный час.

– Я собираюсь работать вечно.

– Мы с тобой оба могли бы писать разоблачительные книжонки. Или дать откровенные интервью телевидению. Каналам Си-эн-эн, или Си-эн-би-си, или «Фокс». Стать для них внештатными экспертами. Разоблачать некомпетентность нынешней администрации. Согласись, «диванным стратегом» быть всегда легче, чем тянуть настоящую лямку.

Стефани задумалась о фатализме Дэвиса. Похоже, это типичная хандра служаки, у которого истекает срок полномочий. Такое ей случалось видеть и раньше. Во время первого срока Дэниелса возникла ситуация, когда ее могли убрать с поста и заменить кем-то другим, но дальше интриг дело не пошло. Почему? Потому, что такая работа никому не нужна. Что привлекательного сидеть в тихом офисе в Джорджии? Это вам не округ Колумбия.

Карьеру сплетают из куда более толстых нитей. Однако одно было ясно – Эдвин Дэвис абсолютно лоялен своему боссу. Так же, как и она. И еще кое-что. Практически никто в Министерстве юстиции, Конгрессе США или в Белом доме даже не вспоминал о существовании «Магеллана». Тогда почему ее скромная персона вдруг возникла на экране радара сенатора от штата Юта?

– Что нужно от меня этому Роуэну?

– Он ищет нечто такое, что когда-то было принято считать мифом, – ответил Дэвис.

В его тоне Стефани уловила некую тревогу.

– Я должен рассказать тебе одну историю...

Первого января 1863 года Авраам Линкольн принял Прокламацию об освобождении рабов. В истории этот документ считается судьбоносным. Но на самом деле все было несколько иначе. Прокламация не являлась законом. Конгресс не одобрил ее, ни один штат ее не принял. Линкольн принял ее на основании своей личной власти в качестве верховного

главнокомандующего. Но Прокламация так никого и не освободила, потому что касалась лишь рабов в десяти мятежных штатов. Она не поставила рабство вне закона и не даровала гражданства тем, кто уже стал свободным. В тех частях Юга, которые оставались верны Союзу – а это часть Теннесси и Вирджинии, где негры действительно могли быть освобождены и стать полноценными гражданами, – эта Прокламация не действовала.

То же самое касалось Мэриленда и Кентукки, а также части Луизианы. Короче говоря, Прокламация об освобождении рабов была не более чем политическим трюком. Она освободила чернокожих невольников только там, где Линкольн не имел власти. Уильям Сьюард, госсекретарь администрации Линкольна, выразил это наилучшим образом: «Мы поддерживаем рабство, освобождая рабов там, где мы не в состоянии дотянуться до них, и держа их в кабале там, где можем их освободить».

Линкольн публично провозгласил Прокламацию «военной мерой», однако в частном общении откровенно признавал ее никчемность. В конце концов, рабство было закреплено в самой конституции. Во 2-м разделе 1-й статьи особо оговаривалось, что в вопросах представительства в Конгрессе и налогов голос раба считается как три пятых голоса свободного гражданина. Во 2-м разделе 4-й статьи содержалось требование возвращать беглых рабов из свободных штатов их хозяевам. Многие делегаты Конституционного конвента сами владели рабами. Так что ничего удивительного в том, что в основной закон не включили ни одного слова, которое посягало бы на эти права.

В то время перевес в Гражданской войне был на стороне южан. Поэтому единственный практический эффект Прокламации, который она могла бы иметь, – вдохновить рабов на восстание на территории противника; восстание, которое нанесет южанам урон. Мятежа рабов определенно опасались – боеспособные мужчины находились вдали от дома, сражаясь на стороне Конфедерации. В их отсутствие за фермами и плантациями присматривали их жены и престарелые отцы.

Но никакого восстания не произошло. Зато эффект Прокламации на Севере был ошутим.

Причем не самым лучшим образом.

Большинство северян пребывали в растерянности. Лишь немногие связывали войну с отменой рабства. Белые северяне в целом презирали чернокожих, их «черные кодексы» ничего не предлагали в смысле равенства для освободившихся рабов, которые уже там жили. Дискриминация пустила глубокие корни. Газеты северян громогласно заявляли о своем несогласии с отменой рабства. Неудивительно, что после Прокламации Линкольна насилие в отношении негров в северных штатах резко усилилось.

Равно как и дезертирство.

Из армии северян бежали примерно двести тысяч человек. Еще двенадцать тысяч избежали призыва. Девяносто тысяч скрылись в Канаде. Стремительно сократилось число желающих поступить на военную службу. Перестали продаваться военные облигации.

Север затеял войну вовсе не из-за рабства.

– О чем ты говоришь? – удивилась Стефани.

– Авраам Линкольн не был освободителем рабов, – ответил Дэвис. – До тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года он даже не заикнулся об отмене рабства; более того, публично выступал против политического или социального равенства для белых и черных. Он поддерживал Закон о беглых рабах, который позволял рабовладельцам требовать возвращения их собственности на территории свободных штатов. В бытность свою адвокатом он не защитил ни одного беглого раба.

Зато Линкольн защищал рабовладельцев. А также поощрял колонизацию, возвращение освободившихся рабов в Африку, на Гаити, в Британскую Гвиану, в Голландскую Вест-Индию. Куда угодно, кроме Соединенных Штатов. Его администрация активно разрабаты-

вала план депортации негров по окончании Гражданской войны. Однако в ту пору в Америке насчитывалось четыре миллиона рабов. Для депортации такого числа людей у страны не было ни финансовых, ни логистических возможностей.

Стефани знала о Линкольне многое. Он давно стал мифической личностью, героем разного рода преданий и мифов из бесчисленных книг, кинофильмов и телепередач.

– В инаугурационной речи Линкольн четко изложил свою позицию, – продолжил Дэвис. – Он объявил всей стране, что не намерен посягать на право рабовладения в южных штатах. Точка. Конец истории. Возражал он против другого – *распространения* рабства на новых территориях.

– Я смотрю, ты крупный спец по Линкольну.

– Да нет, никакой я не спец. Но реальность есть реальность. Гражданская война велась не из-за рабства. Да и как такое могло быть, если рабовладение закрепляла сама конституция? В восемьсот пятьдесят восьмом году это подтвердил Верховный суд, отвергнув иск Дреда Скотта. До принятия Тринадцатой поправки никаких изменений в текст не вносилось, а она имела место уже после войны. Так как же мы могли вести войну за отмену того, что конституция признавала законным?

Хороший вопрос.

– Но Линкольн, благослови его Господь, – продолжил Дэвис, – оказался перед нелегким выбором. С таким не сталкивался ни один другой президент. Перед ним маячил распад страны. Европа наблюдала за Штатами, готовая в любой момент наброситься на нас, вцепиться зубами и оставить от нашей страны дочиста обглоданный скелет. Линкольну не позавидуешь, он был загнан в угол. Именно поэтому мы сейчас с тобой и говорим.

Стефани ждала пояснений.

– Право выхода.

– Для любого штата?

Дэвис кивнул.

– Вот из-за чего вспыхнула Гражданская война. Южные штаты заявили, что сыты по горло и имеют право выйти из Союза. Линкольн ответил, что они не могут этого сделать – Союз вечен и нерушим. Разгорелся спор, который унес жизни шестисот тысяч человек.

Стефани была в теме. Еще бы, как-никак, конституционное право – это ее страсть.

– В восемьсот шестьдесят девятом году Верховный суд поставил в этом споре точку, – блеснула она эрудицией. – Дело «Штат Техас против Уайта». Суд признал выход из Союза незаконным, ибо Союз вечен и нерушим.

– А что еще мог сказать суд? Война закончилась. Сотни тысяч погибли, Юг в развалинах. Страна залечивала раны. И чтобы после этого стервятники-северяне в черных мантиях собралась объявить то, что случилось, противоречащим конституции? Вот это вряд ли.

– Вот уж не думала, что ты так не любишь судебных.

Дэвис улыбнулся.

– Федеральные судьи – еще те ублюдки. Назначь кого угодно на этот пост пожизненно, и получишь проблему. В шестьдесят девятом году Верховный суд был лишен выбора.

– Как и мы?

– В том-то и дело, Стефани. Что, если и Верховный суд, и Линкольн были не правы?

Глава 8

Коттон Малоун открыл входную дверь книжного магазина, впуская внутрь Люка Дэниелса и Барри Кирка. На площади Эйбро было людно – правда, не так, как летом, когда солнце заходит поздно и площадь до самой полуночи заполнена людьми. Летом его магазин оставался открытым до десяти вечера; сейчас же он закрывался раньше, в шесть часов.

Коттон включил свет и запер за собой дверь.

– Круто, – восхитился Люк. – Прямо как школа Хогвартс в книжке про Гарри Поттера. И запах! Во всех букинистических магазинах почему-то пахнет одинаково.

– Это называется запахом знаний.

Люк ткнул в него пальцем:

– Типичный юмор букинистов? Готов спорить, что вы, ребята, собираетесь и обмениваетесь своими шуточками. Угадал?

Малоун бросил ключи на прилавок и повернулся к Барри Кирку.

– Мне сказали, вы в курсе того, где находится наш пропавший.

Кирк промолчал.

– Я собираюсь повторить этот вопрос вежливо всего один раз.

– Поддерживаю, – произнес Люк. – Скажите нам, что вам известно.

– Вашего агента схватил Салазар.

– Кто такой Салазар? – уточнил Малоун.

– Он самый главный, – вставил слово Люк. – Испанец. Денег до фига и больше. Семейный бизнес – подъемные краны. Вроде тех, что есть на любой стройке. Его отец занялся кранами сразу после Второй мировой войны.

– Пять лет назад я стал одним из личных помощников Салазара. Но вскоре понял, что имеется кое-какая заковыка. Дело в том, что он – мормон.

– И в чем, собственно, проблема? – спросил Малоун.

– Он – старейшина. Старший член Первого Кворума Семидесяти, и ему явно светит стать Апостолом Церкви.

– Да, большая шишка на ровном месте! – отреагировал Люк.

– Я знаком с учением Церкви Святых Последнего Дня. – Малоун посмотрел на Кирка. – Так что же не так с Салазаром?

– Он имеет отношение к неким темным делам. Я до последнего времени... делал вид, будто ничего не замечаю. Но недавно, как мне кажется, он кого-то убил.

– С чего вы взяли?

– Мне так показалось. Точно не знаю. Но он пытается отыскать какой-то дневник девятнадцатого века. Сеньор Салазар страстный коллекционер. Он собирает все, что связано с историей мормонов. Хозяин этого дневника отказался его продать. Сеньор Салазар... сильно расстроился. Потом дневник все-таки попал к нему в руки, однако затем я узнал, что его прежний хозяин был найден мертвым.

– И как это связано с Салазаром? – уточнил Малоун.

– Странное совпадение, вам не кажется?

Коттон посмотрел на Люка в надежде, что тот добавит что-то еще.

– А теперь поподробнее, если можно.

– Боюсь, подробнее не получится. Нам было поручено установить факты, связанные с прошлым Салазара. Только и всего. Факты и цифры. У нас был агент-оперативник, работавший там последние несколько месяцев. Кирк установил с ним контакт. Затем, три дня назад, агент исчез. Меня отправили на его поиски. Сегодня днем у меня была стычка с людьми Салазара. Пришлось увести один из его самолетов.

– Так у него их несколько?

– У него их целая эскадрилья. Я же сказал, что денег у него до фига и больше.

– Ваш агент разговаривал со мной, – вступил в разговор Кирк. – Он собирался переправить меня в безопасное место. Но когда я узнал, что сеньор Салазар его схватил, я запаниковал и пустился в бегство. Он дал мне номер контактного телефона, по которому я и позвонил. Мне велели перебраться в Швецию, но люди Салазара бросились за мной в погоню.

– Ваш хозяин держит штат подручных? – спросил Малоун.

– Да. Данитов.

Он не ожидал услышать это слово, однако знал, что оно означает.

Коттон шагнул к стеллажу с литературой на темы религии. Если память не изменяет ему, тут должна находиться одна книжка. Он купил ее несколько недель назад у одной странной дамы, которая заявила к нему с грудой картонных коробок со всякой макулатурой.

Да, действительно, вот она, на верхней полке.

«Царство святых». Издана в середине XX века.

Слово «даниты» пробудило что-то в его эйдетической памяти. Причем очень быстро. Назвать эту наследственную черту фотографической памятью значило бы погрешить против истины. Скорее это умение подмечать детали. Иногда это мешало, но иногда идиотская эта черта оказывалась чертовски полезной.

Быстро пройдясь по именному указателю, Малоун нашел ссылку на проповедь, произнесенную 17 июня 1838 года Сидни Ригдоном, одним из первых неофитов Джозефа Смита.

«Вы суть соль земли, но если соль утратит свой вкус, то чем будет приправлена земля? Она станет ни на что не годной, будет выброшена и попрана стопами человеческими. Мы даровали миру доброту, и мы безропотно терпели беспочвенные оскорбления и не роптали до сего дня, однако гонения и жестокость по отношению к нам не прекращаются. Но отныне мы больше не намерены это терпеть».

Ригдон язвительно отзывался о других отступниках, которые, по его мнению, предали всех остальных, но при этом он имел в виду не мормонов, а тех, кто постоянно сеял смерть и применял насилие к приверженцам Церкви Святых Последних Дней. Некий новообращенный, Сэмпсон Эдвард – «коварный, изобретательный и крайне честолюбивый», – сыграл на чувствах, которые пробудила среди мормонов эта так называемая «Проповедь Соли».

Эдвард создал тайную военизированную организацию, члены которой назывались Сынами Дана, как то сказано в Библии, в книге Бытия – «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад»². В даниты брали самых молодых, самых дерзких и энергичных. Короче говоря, это было элитное боевое подразделение, чья деятельность держалась в строгом секрете. Действовали они не группой, но поодиночке. Своего рода силы быстрого – и кровавого – реагирования на любые случаи притеснения Святых.

Малоун оторвал глаза от книги.

– Даниты были фанатиками. Радикалами в лоне ранней Мормонской церкви. Но они прекратили существование давно, много десятилетий назад.

Кирк покачал головой.

– Сеньор Салазар воображает, будто он живет в другом времени. Он – ярый поклонник Джозефа Смита и следует обычаям старых времен.

Малоун кое-что знал о Смите. О его видениях ангела Морония, который передал ему золотые скрижали. Смит якобы перевел то, что было на них начертано, и создал новую рели-

² Быт. 49:17.

гию, которая сначала называлась Церковью Христа, а позднее была переименована в Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней.

– Сеньор Салазар – человек умный, – сказал Кирк. – Он окончил Барселонский университет.

– Что не мешает ему быть фанатичным поклонником человека, который утверждал, будто нашел золотые скрижали с письменами на незнакомом языке. Скрижали эти никто не видел, кроме самого Смита и еще нескольких из его окружения. Насколько мне помнится, эти, с позволения сказать, свидетели позже заявили, что не видели никаких золотых табличек. И тем не менее Смит сумел сделать перевод этих надписей с помощью некоего магического камня, положенного на дно шляпы.

– Чем это хуже веры в то, что некоего человека распяли на кресте, но три дня спустя он воскрес из мертвых? И то и другое – вопросы веры.

– Вы мормон? – не удержался от вопроса Малоун.

– Да, в третьем поколении.

– Это что-то значит для вас?

– Да, многое, с самого раннего детства.

– А для Салазара?

– Для него это всё на свете.

– Но вы все-таки сбежали.

– Я помолился и получил ответ, что это – самое верное решение.

Сам Коттон никогда не был сторонником слепого служения вере, когда ей вверяют всю свою жизнь. Впрочем, сейчас не время обсуждать вопросы религии.

– Где находится наш человек?

– Вашего агента удерживают в тайном месте в окрестностях Калуннборга, – ответил Кирк. – Во владениях сеньора Салазара. Не в самом поместье, а на соседнем участке, это чуть восточнее. В подвале есть специальная камера.

– Как и в главном доме? – уточнил Люк. – Он там хранит информацию?

Кирк кивнул.

– Кабинет Салазара – его святилище. Туда нельзя входить без его разрешения.

Малоун стоял рядом с прилавком, глядя через окно на погрузившуюся в сумерки площадь. Двенадцать лет он проработал полевым агентом Министерства юстиции, отточив до совершенства навыки оперативника, и они до сих пор при нем. Например, привычка каждое мгновение контролировать окружающее пространство. Он до сих пор, приходя в ресторан, никогда не садится спиной к двери.

Сквозь зеркальное стекло Коттон заметил примерно в ста футах от его магазина двух мужчин. Оба молодые, одеты в темные куртки и черные брюки. Они вот уже несколько минут стояли на одном месте, в отличие от других людей, торопливо сновавших по площади. Не выдавая своего внимания, он продолжал наблюдать за ними.

Люк подошел к прилавку и встал спиной к окну.

– Вы тоже их видите?

Малоун встретился с ним взглядом.

– Их трудно не заметить.

Люк поднял руки – мол, с кем не бывает.

– Скажи, папаша, в твоём доме есть чёрный ход?

Малоун подыграл Люку, изображив раздражение, но все-таки кивнул.

– В чём дело? – спросил Кирк.

Два незнакомца на улице пришли в движение и направились к магазину. Затем раздался вой полицейских сирен – с каждой секундой звуча все громче и ближе.

Глава 9

Стефани продолжала слушать объяснения Дэвиса.

– Американская революция вовсе не была революцией. Она никогда не ставила перед собой цели свергнуть британскую администрацию. Американцы никогда не собирались победить Лондон и заменить монархию демократией. Нет. Американская революция была войной за отделение...

Декларация независимости стала не чем иным, как заявлением о выходе из состава страны. Соединенные Штаты Америки были созданы сепаратистами. Их целью являлся выход из-под власти Британской империи и создание собственного правительства. В американской истории было две войны за отделение и независимость. Первая – в 1776 году, вторая – в 1861 году.

Выводы Дэвиса впечатляли, но куда больше Стефани интересовала информация как таковая.

– Юг хотел выйти из Союза, ибо был не согласен с действиями федерального правительства, – пояснил Дэвис. – Бюджет пополнялся в основном за счет пошлин. Импорт Юга намного превышал импорт Севера. И поэтому он вносил в бюджет большую половину денег. Но Север, в котором проживало более половины населения страны, высасывал большую часть федеральных ассигнований. В этом и заключалась проблема. Своим благополучием промышленники Севера были обязаны высоким пошлинам. Уберите пошлины, и бизнес рухнет. Споры о тарифах велись с тысяча восемьсот двадцать четвертого года. Юг сопротивлялся их введению, Север продолжал их навязывать. Созданная незадолго до этого конституция Конфедерации отменила пошлины. А значит, порты южных штатов получили преимущество по сравнению с портами Севера.

– Чего Линкольн не мог допустить.

– А как иначе? Федеральное правительство лишилось бы денег. Игра закончилась. По большому счету, Юг и Север кардинально разошлись по вопросам пополнения и расходования бюджета. После нескольких десятилетий в составе США Юг решил, что с него довольно. И покинул Союз.

– И какое отношение к этому имеют Хусепе Салазар и сенатор Роуэн?

– Они оба мормоны.

Интересно, что он скажет дальше?

– К первому января шестьдесят третьего года, когда была принята Прокламация об освобождении, Линкольн был близок к панике. После победы, одержанной в июле шестьдесят первого года в сражении при Манассасе, армия северян потерпела ряд поражений. До судьбоносной битвы при Геттисберге оставалось еще полгода. Именно тогда Северу удалось переломить ход войны. Зимой же шестьдесят третьего года Линкольн столкнулся с кризисом. Ему нужно было удержать и Север, и Запад. Потеря Запада, его переход на сторону Конфедерации, означала бы поражение...

Удержать Запад означало заключить сделку с мормонами.

Те с 1847 года занимали долину Соленого озера. Эта местность была известна как Великая Американская пустыня еще до их появления здесь. Соседнее мертвое озеро отпугивало возможных переселенцев. Однако те упорно трудились целых шестнадцать лет – возводили город, обживали новую территорию. Они мечтали обрести собственную государственность, однако получили отказ правительства. Причинами были их строптивый настрой и неортодоксальная вера, особенно полигамия, от которой мормоны упорно не желали отказываться.

Их духовный лидер, Бригам Янг, был деятельным и решительным. В 1857 году он дерзко выступил против президента Джеймса Бьюкенена, по приказу которого для наведения порядка в край мормонов была отправлена пятитысячная армия. К счастью для Янга, это войско не имело в числе командиров выдающихся стратегов. Политики доверили командование старым воякам. Те в свой черед отдали солдатам приказ совершить марш длиной в тысячу миль по безлюдной местности. На подходах к Юте правительственные войска оказались зимой. Здесь они застряли в горах, где многие солдаты нашли свою погибель.

Янг мудро решил, что воевать с такой армией бессмысленно, и потому предпочел партизанские действия – сжигал караваны с припасами, воровал и угонял армейских вьючных животных, практиковал тактику выжженной земли. Вскоре Бьюкенену пришлось отказаться от своих замыслов. Президент сделал то, что сделал бы любой другой хороший политик, – объявил о победе и призвал противника к миру.

Вашингтонские посланники принесли Янгу помилование. Конфликт закончился без единого выстрела с обеих сторон. Бригам Янг снова стал полновластным хозяином своего края. В 1862 году железные дороги и телеграфные линии пролегли через земли Юты к побережью Тихого океана. Так как Линкольн вряд ли желал, чтобы они были разрушены – это отрезало бы его от Запада, – он был вынужден установить с Янгом добрые отношения.

– Чертовски занятная история, – продолжил Дэвис. – В середине шестьдесят второго года Конгресс принял закон Моррилла против многоженства. Мормонам он, мягко говоря, пришелся не по душе. Поэтому в начале шестьдесят третьего года Янг отправил своего эмиссара на встречу с Линкольном. Послание было недвусмысленным. *Троньте нас, и мы тронем вас.* Это означало разрушение железных дорог и телеграфных линий. Вооруженные отряды мормонов даже могли выступить на стороне южных штатов. Линкольн понимал серьезность последствий, поэтому приготовил для Бригама Янга послание. «В детстве я рос на ферме в Иллинойсе. Вокруг рос густой лес, который следовало расчищать. Время от времени мы находили упавшее дерево. Оно было слишком твердым, чтобы его можно было разрубить, слишком сырым, чтобы сжечь, и слишком тяжелым, чтобы унести. Поэтому мы оставляли его в покое и распахивали землю вокруг него. Скажите своему Пророку, что я не трону его, если он не тронет меня».

– Так и случилось, – пояснил Дэвис. – Генерал Коннер, командующий федеральными войсками в Юте, получил приказ не вступать с мормонами в конфликт из-за полигамии и других подобных вещей. Иными словами, не трогать, оставить в покое. Так продолжалось до восемьдесят второго года, когда был принят новый федеральный закон, предусматривавший уголовное преследование за многоженство. Этот закон неукоснительно исполнялся властями, и в результате тысячи людей подверглись судебным преследованиям. Но к тому времени Гражданская война уже давно закончилась, а Линкольн и Янг были мертвы.

– Как вы узнали об этой сделке?

– Это закрытая информация.

– Даже информация шестьдесят третьего года?

Дэвис на минуту задумался. Стефани поняла: ее собеседник чем-то встревожен. Нет, он был мастер сохранять бесстрастное лицо, но она-то знала его лучше других! Стефани видела его в куда более щекотливых ситуациях, как и он ее. Взаимное притворство было просто неуместно.

– Мормоны не доверяли Линкольну, – наконец произнес Дэвис. – У них не было причин вообще доверять Вашингтону. Их сторонились, им долгие десятилетия лгали. Правительство было их злейшим врагом. Впрочем, в конечном итоге они выторговали себе теплое местечко. И потому пошли на сделку – правда, потребовали при этом залог.

Стефани изумили его слова.

– Что же такого дал им Линкольн?

– Тут мы располагаем лишь скудными крупицами информации. Тем не менее и этого достаточно. Что, однако, еще хуже – сенатор Таддеус Роуэн тоже в курсе. Он – Апостол Мормонской церкви. И, кроме нас, они – единственные из ныне живущих, кому тоже кое-что известно.

– И поэтому тебе понадобился Салазар? Из-за его связи с Роуэном?

Дэвис кивнул.

– Примерно год назад нам стало кое-что известно про Роуэна. Затем всплыли его контакты с Салазаром. Тогда мы запросили у вас досье, ибо поняли, что имеем проблему. Теперь она усугубилась еще больше.

Стефани попыталась вспомнить все, что знала о мормонах. Сама она была далека от религии, и, судя по тому, что ей было известно об Эдвине Дэвисе, – он тоже.

– Роуэн неглуп, – заявил Дэвис. – Он все очень хитро задумал и дожидался подходящего момента. Нам нужно задействовать наших лучших людей. В противном случае последствия могут оказаться катастрофическими.

– Все мои люди – лучшие.

– Мы по-прежнему можем рассчитывать на Малоуна?

– Не знаю.

– Заплатите ему. Сделайте что-нибудь. Я хочу, чтобы он участвовал.

– Что-то я никогда не видела тебя таким... Неужели все настолько серьезно?

– Извини, что обманул тебя. Когда я просил досье на Салазара, мне следовало рассказать тебе то, что мне известно. Я не торопился раскрывать карты, опасаясь, что мы можем ошибаться.

– Что же изменилось?

– Мы оказались правы в своих предположениях. На днях я получил сообщение от министра внутренних дел, который был с Роуэном в Юте. В Национальном парке Зайон нашли человеческие останки и старые фургоны девятнадцатого века. Все это как-то связано с мормонами. Роуэн сразу вылетел в Солт-Лейк-Сити. В данный момент у него встреча с Пророком Мормонской церкви. То, что они обсуждают в эти минуты, может кардинально изменить жизнь нашей страны.

– Мой человек до сих пор числится пропавшим без вести. В данный момент это тревожит меня больше всего.

Дэвис встал.

– Вот и займись этим. Мне нужно, чтобы ты была в Вашингтоне завтра утром. Этим делом нужно заняться срочно, проявляя, однако, максимальную осторожность.

Стефани кивнула. Дэвис покачал головой.

– Томас Джефферсон как-то раз сказал, что маленький мятеж время от времени – это даже неплохо. Небольшие встряски столь же необходимы политической жизни, как бури в природном мире, ибо являются лекарством для доброго здоровья правительства. Джефферсон не жил в наше время. Лично я сомневаюсь, что сегодня его слова верны.

– Что ты хочешь этим сказать? О чем мы с тобой говорим?

Дэвис посмотрел ей прямо в глаза.

– О конце Соединенных Штатов.

Глава 10

Копенгаген

Люк моментально отреагировал на приближение незнакомцев, встав на защиту Барри Кирка. Сам Малоун, держа в руке пистолет, шагнул к окну. Он так и не ответил на вопрос Люка, есть ли в доме черный ход.

– Что происходит? – спросил Кирк.

– У нас гости.

– Где? Кто?

– Там, снаружи.

От него не скрылось, как Кирк с опаской покосился на окно. Двое мужчин уже почти подошли к книжной лавке.

– Ты их знаешь? – спросил Люк у Кирка.

– Это даниты. Люди Салазара. Я знаю их. Они нашли меня в Швеции. Они нашли меня здесь. От вас, ребята, никакой пользы. Из-за вас меня убьют.

– Папаша, я спрашивал тебя про черный ход. Где он?

– Иди прямо по проходу, перед которым стоишь. Надеюсь, вам понятно, что эти парни не станут ничего предпринимать, пока на площади полно людей?

– Понял. Потому они и решили выманить нас наружу через черный ход. Как по-твоему, сколько их там может быть?

– Достаточно много. Так что один пистолет проблему не решит.

– Вызывайте полицию! – произнес Кирк.

Люк покачал головой.

– Бесполезно – как мертвому припарки. Черт, сдается мне, кто-то ее уже вызвал... Слышите? Сирены воют все громче и громче.

– Мы не знаем, сюда ли они направляются, – возразил Малоун. – И вообще, не хватало нам еще объясняться с местной полицией. Мы выйдем через переднюю дверь. Будем надеяться, что эти парни не станут устраивать тут сцену.

– А что дальше? У тебя есть план?

– У хорошего агента всегда имеется план.

Коттон был зол на Люка за его поспешное решение воспользоваться черным ходом, однако отдал должное его хладнокровию. А еще он услышал, как Кирк назвал тех типов, что стояли перед магазином. *Даниты*.

Если этот отряд боевиков и существовал – а многие историки до сих пор спорят на этот счет, – то почти две сотни лет назад. Как реакция мормонов на условия того времени. Вполне понятный способ защитить себя от чинимого в их отношении насилия. Но что в таком случае происходит здесь?

Малоун схватил лежащие на прилавке ключи и открыл переднюю дверь. Внутри тотчас ворвался шум вечерней площади и вой сирен. Малоун вышел первым, подождал, когда его примеру последуют Люк и Кирк, после чего закрыл дверь на ключ.

Незнакомцы в упор следили за ними.

Он свернул прямо к кафе «Норден» на восточном конце площади Эйбро. От кафе их отделяли пятьдесят метров запруженного людьми тротуара и подсвеченные прожекторами струи фонтана «Аист». Вдоль его бортика, беспечно болтая, сидели люди. Краем глаза Малоун заметил, что те двое идут за ними следом. Он намеренно замедлил шаг, давая преследователям возможность сократить расстояние. Его пульс участился, все чувства обострились. Если столкновения не миновать, пусть оно произойдет здесь, на глазах у толпы.

Те двое тотчас изменили курс и вскоре уже шагали впереди, преграждая им путь. Массивный холодный пистолет лишь отчасти внушал Малоуну спокойствие. За пределами площади – ближе к каналу, где была пришвартована взятая напрокат моторка и где заканчивалась улица, – резко остановились четыре полицейских машины. Наружу выскочили двое полицейских и бросились в направлении площади. Двое других метнулись к лодке, покачивающейся на воде у причала.

– Что-то не нравится мне это дело, папаша, – пробормотал Люк.

Полицейские пробежали через всю площадь и свернули к книжному магазину. Заглянули в окно, дернули дверную ручку. Затем один из них разбил дверное стекло, после чего оба, с пистолетами в руках, шагнули внутрь.

– Ты убил моих людей.

Малоун обернулся и увидел перед собой двух мужчин.

– Извините, ребята. Чем могу помочь вашему горю?

– Ты думаешь, что удачно пошутил?

– Я не знаю, в чем дело. Но вы, парни, явно нарываетесь на драку. Я всего лишь дал им отпор.

– Нам нужен он, – произнес один из незнакомцев и указал на Кирка.

– Не всегда удается получить то, что хочешь.

– Он наш в любом случае.

Малоун прошел мимо них и двинулся в сторону кафе. Он верно разгадал их намерения. Им не нужна сцена на публике.

Окружающие наблюдали за полицейскими и не сводили глаз с книжного магазина. Похоже, обыск будет долгим – в доме четыре этажа.

Вынесенные на улицу столики были заполнены вечерними посетителями. Малоун и сам обычно ужинал здесь. Захаживать по вечерам в кафе вошло у него в привычку с тех пор, как Коттон перебрался из Джорджии в Данию. Увы, сегодня он изменил этому правилу.

– Как ты думаешь, сколько их еще прячется в засаде? – спросил Люк.

– Трудно сказать. Наверняка еще несколько человек.

– Пошевели мозгами, Барри! – крикнул один из незнакомцев.

Кирк замер на месте и обернулся.

– С тобой обойдутся уважительно, – сказал тот, что помоложе, – если ты тоже проявишь уважение. Он это пообещал. Иначе тебя постигнет расплата.

Лицо Кирка исказилось страхом, но Люк быстро отвел его в сторону.

Малоун шагнул вперед.

– Скажите Салазару, что мы скоро с ним встретимся.

– Он будет с нетерпением ждать. – Пауза. – Так же, как и я.

Тем временем из книжного магазина на улицу выбежали двое полицейских. Обыск занял немного времени. Малоун указал на одного из данитов и крикнул по-датски:

– *Jeg ringede til dig! Zdet er Malone. Det er ham, du er efter, og han har en pistol³.*

Реакция полицейских была мгновенной. Они тут же бросились к данитам. Коттон шагнул к кафе «Норден».

– Что ты сделал? – спросил Люк.

– Решил немного притормозить наших сопровождающих.

Он не стал подниматься по лестнице на второй этаж, а вместо этого начал пробираться между столиками в дальний конец первого этажа. Ресторан, как обычно, был полон. В окна было видно, как по площади беспечно разгуливают прохожие. Коттон был завсегдаем этого места, знал и хозяина, и персонал. Поэтому, когда он вошел в кухню, никто не обратил

³ Это я звонил вам! Я – Малоун. Вот тот, кого вы ищете. И у него пистолет (дат.).

на него внимания. Найдя дверь в дальнем конце помещения, Малоун спустился по деревянной лестнице в подвал.

Там обнаружили три выхода. Один – для лифта, позволявшего подняться на верхние этажи, через другой можно было войти в офис, третий вел в кладовую.

Коттон щелкнул выключателем возле двери кладовой. Зажегся яркий свет. Помещение было заставлено уборочным инвентарем, пустыми ящиками из-под фруктов и ресторанными припасами. Углы были затянуты паутиной. В холодном воздухе ощущался запах дезинфектанта.

В дальнем конце помещения виднелась металлическая дверь. Осторожно обходя ящики, Малоун приблизился к ней и открыл. За дверью оказалось еще одно помещение. Он вновь щелкнул выключателем. На высоте трех метров над головой параллельно кафе «Норден» протянулась узкая улочка. Подвалы под домами были давно соединены, образуя подземный уровень, простиравшийся от квартала к кварталу. Хозяева здешних магазинов пользовались ими сообща. Коттон несколько раз уже бывал здесь.

– Если я правильно понял, мы выйдем там, где они нас не увидят, – сделал вывод Люк.

– Именно так.

Во втором подвале Малоун увидел деревянную лестницу, которая вела вверх, на первый этаж. Перешагивая через две ступеньки, он вошел в пустой торговый зал, в котором когда-то продавалась дорогая одежда. Темное пространство было заставлено ящиками, прилавками, манекенами, голыми металлическими вешалками. Пол усеян целлофановыми пакетами для мусора. В окнах виднелись подсвеченные иллюминацией деревья на Николай-пладс, что примерно в квартале от «Норден».

– Сейчас мы выйдем и свернем направо, – сообщил Коттон. – Все будет в порядке. В нескольких кварталах отсюда я оставил на стоянке свою машину.

– Даже не надейтесь.

Малоун обернулся.

Барри Кирк стоял позади Люка, приставив к правому виску парня пистолет.

– Давно пора, – произнес Малоун.

Глава 11

Солт-Лейк-Сити, штат Юта

Роуэн прилетел прямо из южной части штата на том же правительственном вертолете, который переправил его в Национальный парк Зайон. Он привык к таким привилегиям. Они положены фигурам федерального масштаба. Впрочем, сенатор никогда ими не злоупотреблял. Слишком часто он становился свидетелем тому, как это стоило его коллегам уважения окружающих. Типичный пример – сенатор от их штата.

Впрочем, чего еще ожидать от того, кто не был мормоном? Ему наплевать и на высокую должность, и на людей, которые его выбрали. В данный момент сенатская комиссия по этике вела в его отношении следствие. Поговаривали, что в его адрес будет вынесен выговор за злоупотребления служебным положением. К счастью, нынешний год – это год выборов, и сильная оппозиция уже заявила о себе, так что избиратели лишат его этих страданий.

Согласно широко распространенному заблуждению, подавляющее большинство населения Юты составляют мормоны. Что на самом деле не соответствует истине. Согласно последней переписи, их число составляет 62,1 % населения и с каждым годом уменьшается. Сам Роуэн стартовал в политике сорок лет назад, будучи тогда мэром города Прово, затем какое-то короткое время был конгрессменом штата и, наконец, перебрался в Вашингтон, в сенаторское кресло. С ним или с его окружением никогда не случалось даже намека на скандал. Он пятьдесят один год женат на одной и той же женщине. Они воспитали шестерых детей – двух адвокатов, врача и трех учителей, – у которых теперь свои семьи и свои дети. Все они были возвращены в лоне Церкви и остаются истинно верующими, хотя живут в разных концах страны и являются активными членами местных общин. Сенатор часто навещал их и прекрасно ладил со своими восемнадцатью внуками.

Он жил согласно заветам Церкви. Не употреблял алкоголь, не курил, воздерживался от кофе и чая. Первый Пророк, Джозеф Смит, провозгласил эти запреты еще в 1833 году. Несколько лет назад был добавлен четвертый запрет, предусматривавший ограниченное потребление мяса и максимально возможную его замену злаками, фруктами и овощами.

Ему были известны результаты внешнего исследования тех, кто соблюдал заповеди здорового питания, четко следуя всем четырем запретам. Кстати, результаты были вполне предсказуемы. Уровень заболеваний раком легких был низким, уровень сердечно-сосудистых заболеваний – еще ниже. В целом здоровье благочестивых верующих Церкви Святых Последних Дней было лучше, чем у остального населения страны. Стихи детского гимна, который он часто слышал в церкви, содержали истину.

Чтобы люди долго жили,
Были крепки и здоровы,
Нужно, чтобы не курили
И не брали рот спиртного.
Чай и кофе нам не в радость.
Мяса тоже ешьте меньше.
Если что-то будет в сладость –
Это сладость жизни вечной.

Роуэн прямо из вертолета по телефону отдал распоряжения о частной встрече. Двадцать три года назад его призвали к служению в составе Кворума Двенадцати Апостолов. Когда-то это были разъездные наставники, ответственные за создание новых миссий, однако

со временем они превратились в главный руководящий орган Церкви. Должность была пожизненной. Считалось, что члены Кворума посвящают все свои усилия исполнению возложенных на них обязанностей. Впрочем, имелись и исключения. Например, он сам. Старший член Кворума в роли сенатора – это давало немалые преимущества.

Кстати, прецедент имелся.

Рид Смут был первым, кто отличился в обеих ипостасях, хотя это и стоило ему четырехлетней борьбы. Дело в том, что Смута хотели лишить высокого поста по причине его «неправильной» мормонской веры. Комитет Конгресса все же рекомендовал лишить его должности сенатора, однако в 1907 году Сенат единогласно отклонил эту рекомендацию и разрешил Смуту вернуться в сенаторское кресло, в котором он находился до 1933 года.

Роуэн был избавлен от подобных испытаний. Как-никак, времена уже не те. Сегодня никто не осмелится посягнуть на право гражданина служить в правительстве лишь на основании его религиозных убеждений. Одному «святому» даже удалось стать кандидатом в президенты страны от республиканской партии.

Впрочем, из этого не следует, что предрассудки бесследно исчезли. Напротив, «святые» до сих пор сталкиваются с сопротивлением. Нет, их больше не избивают, не грабят, не убивают, как сто пятьдесят лет назад...

Тем не менее предрассудки живучи.

Роуэн вошел в двери гостевого дома в восточной части Храмовой площади Солт-Лейк-Сити. Именно здесь, в многоэтажном доме, принадлежащем Церкви, жил ее нынешний Пророк. В вестибюле всегда дежурили два охранника. Увидев Роуэна, оба махнули рукой – мол, проходите дальше.

Сенатор вошел в кабину лифта и ввел цифровой код.

Будучи не только старейшиной, но и главой Кворума Двенадцати, а значит, в будущем и всей Церкви, Роуэн имел беспрепятственный доступ к ныне действующему Пророку.

Церковь зиждилась на лояльности. Старшинство вознаграждалось.

Так и должно быть.

Он даже не переоделся, не снял пыльную одежду, так как прибыл к Пророку прямо с аэродрома. Ожидавший его прислужник сказал, что можно обойтись без формальностей. Во всяком случае, сегодня.

В свете их последней находки.

– Входи, Таддеус, – произнес Пророк, когда Роуэн шагнул в его залитую солнечным светом квартиру. – Пожалуйста, садись. Мне не терпится услышать твое сообщение.

Чарльз Р. Сноу нес служение Пророка вот уже девятнадцать лет. Он стал им в возрасте шестидесяти трех лет. Сейчас ему восемьдесят два. Он ходил самостоятельно только за пределами дома, по комнатам же перемещался в кресле-каталке. Апостолы были в курсе его недугов, включая хроническую анемию, низкое кровяное давление и прогрессирующее заболевание почек. Однако разум старика оставался острым, как и сорок лет назад, когда он только-только стал Старейшиной.

– Завидую тебе, – сказал Сноу. – Ты в походной одежде, можешь сколько угодно гулять по пустыне... Как я тоскую по вылазкам в каньоны!

Сноу родился неподалеку от Национального парка Зайон в семье второго поколения переселенцев, прибывших на Запад в 1847 году. Хотя большая часть новоприбывших селилась близ Соленого озера, Бригам Янг отправил головные отряды в разные концы их новой земли. Предки Сноу отправились на юг и, обосновавшись там навсегда, зажили счастливо и даже разбогатели в этом суровом, безводном крае.

По образованию экономист, он был обладателем ученых степеней от Университета Юты и Университета Бригама Янга, где сам преподавал почти два десятилетия. Прежде чем стать членом Первого Кворума Семидесяти и наконец Апостолом, он прошел долгий путь с

самых нижних ступенек церковной иерархии. В течение многих лет он возглавлял английскую миссию, затем на этот пост назначили Роуэна. Срок полномочий Сноу в качестве Пророка был отмечен спокойствием и почти полным отсутствием даже самых малых скандалов.

– Я предлагал отвезти тебя в горы в любое удобное время, – сказал Роуэн, сев напротив Сноу. – Ты только попроси, и мы всё устроим.

– Можно подумать, мои врачи это одобряют... Нет, Таддеус, мои ноги уже ни на что не способны.

Жена Чарльза Сноу умерла десять лет назад, а его дети, внуки и правнуки жили за пределами Юты. Смыслом его жизни была Церковь, и он проявил себя активным управленцем, неустанно надзирающим за ее повседневным существованием. Вчера Роуэн позвонил ему и коротко известил о находке в Национальном парке, вызвавшей массу вопросов. Пророк попросил Роуэна приехать к нему, чтобы вместе попытаться найти на них ответы.

Гость сообщил о том, что было найдено, а затем добавил:

– Это те самые фургоны. В этом нет никаких сомнений.

Сноу кивнул.

– Тому свидетельства – начертанные на стене имена. Никогда не думал, что вновь их услышу.

Фьельстед. Хайд. Вудрафф. Иган.

– *«Да будет проклят пророк»*. Они прокляли нас перед смертью, Таддеус.

– Вдруг они имели на это право? Их всех убили.

– Я всегда считал эту историю вымышленной. Но получается, что все так и было...

История, которую Роуэн знал в мельчайших подробностях.

В 1856 году война между Соединенными Штатами и Церковью Святых Последних Дней казалась неотвратимой. Разногласия по вопросам полигамии, религии и политической автономии переросли в болезненный нарыв, готовый в любое мгновение лопнуть. Бригам Янг управлял своей замкнутой общиной так, как считал нужным, независимо от того, что думал по этому поводу федеральный закон. Он чеканил свою монету, принимал собственные законы и правила жизни, создал собственный суд, обучал молодежь, как считал правильным, и молился тому, во что верил.

Споры вызывало даже то, как называть эти недавно заселенные земли. Поселенцы называли их Дезерет, Конгресс – «территория Юта». Затем прошел слух, что Союзная армия маршем отправилась на запад, дабы усмирить мятежный край, населенный так называемыми мормонами.

Поэтому Янг решил собрать все золото общины и до лучших времен спрятать в укромном месте. Все драгоценности были переплавлены в золотые слитки. Ради правого дела «святые» были готовы пожертвовать последним. На двадцати двух фургонах, реквизированных под нужды общины, золото предполагалось переправить в Калифорнию, где его должны были принять на сохранность другие «святые». Из соображений конспирации был выбран запутанный маршрут, обходивший стороной крупные населенные пункты.

О том, что случилось потом, почти ничего не известно.

Согласно официальной версии, караван с золотом прошел по засушливым землям центральной и южной части Дезерета. Вскоре у путников закончилась вода, и все их попытки найти колодцы потерпели неудачу. Было принято решение вернуться к последнему встреченному на пути колодцу, до которого был дневной переход. Возницам велели присматривать за лошадьми и золотом, в то время как сорок ополченцев отправились на поиски воды. Вернувшись через несколько дней, они увидели сожженные фургоны и убитых людей. Лошади и золото исчезли.

В случившемся обвинили индейцев-пайютов.

Ополченцы в течение нескольких дней обшаривали соседние земли. На скальных участках следы нападавших были не видны, а если и были, то обрывались на дне высохших рек. В конечном итоге от попыток найти бандитов отказались. Разведчики вернулись к Бригаму Янгу с пустыми руками и доложили о постигшей караван трагедии.

Были отправлены новые поисковые группы. Увы, золота так никто и не нашел. Оно в буквальном смысле как будто провалилось под землю.

Согласно архивным данным, на фургоны было погружено примерно 80 тысяч унций золота – а цена унции в те годы составляла 19 долларов. Теперь пропавшее золото оценивается в 150 миллионов долларов.

– Как ты понимаешь, история, которую мы слышали все эти годы, – вымышленная, – сказал он.

Похоже, Сноу уже и сам пришел к тому же выводу.

– Фургоны не были ни сожжены, ни даже обуглены, – продолжал Роуэн. – Их специально разрубили на части внутри пещеры. Чтобы спрятать. Убрать с глаз долой. Четырех человек застрелили, а вход в пещеру замуровали.

Но была еще кое-какая проблема.

– Там не оказалось ни крупинки золота, – добавил он.

Сноу молча сидел в кресле-каталке, как будто что-то обдумывал.

– Я надеялся, что в срок моего правления эта история не всплывет, – прошептал он.

Роуэн недоумевающе уставился на старика.

– «Не забывайте нас». Любопытно, что они выбрали эти слова. Ведь мы их не забыли, Таддеус. Ни в коем случае. Есть кое-что, чего ты не знаешь.

Сноу вновь на минуту умолк. Роуэн ждал, что он скажет дальше.

– Нам нужно перейти через улицу. Хочу кое-что тебе показать.

Глава 12

Малоун мгновенно оценил ситуацию. Итак, Кирк пришел к ним с оружием. Черт, как же они прошляпили это дело? Им и в голову не пришло обыскать его! Тем более что лично ему кое-что в этом Кирке не понравилось уже с первой минуты. Звонок Стефани лишь упрочил его сомнения.

– Те двое – ваши сообщники, – произнес Малоун, и это был не вопрос, а констатация факта.

– Было бы точнее сказать, что они работают на меня.

Люк стоял прямо, почти по стойке «смирно»; в глазах явно читалось – «этого ублюдка нужно брать прямо сейчас».

Ответный взгляд просигнализировал – «нет».

Не сейчас.

Кирк взвел курок пистолета.

– Эх, с каким удовольствием я вышибу ему мозги... Так что тебе придется делать то, что я скажу.

– Полиция прибыла слишком быстро, – заметил Малоун. – Тела убитых наверняка отыскались бы в воде, но не так быстро. Да и полиция не сразу вышла бы на наш след. Значит, это ты вызвал легавых?

– А как еще я мог выманить вас? Вышибить отсюда, чтобы вашего духа не было в городе.

– Затем были эти двое в море. В нужное время, в нужном месте... Они могли оказаться там только по одной причине. – Коттон ткнул в Кирка пальцем. – Ты сообщил им. К чему было устраивать этот цирк?

– Мы решили, что узнаем больше, если внедримся в стан врага. Ваш агент уже давно крутился вокруг нас, все выпрашивал, вынюхивал да выведывал... Мы терпеливо наблюдали за ним, но потом решили, что вариант с перебежчиком существенно ускорит дело.

– И поэтому ты пожертвовал двумя своими людьми?

Лицо Кирка исказилось гневом.

– Этого мы не планировали. Они должны были лишь придать нашему замыслу больше достоверности, надавить на вас, усилить угрозу. К несчастью, вы предпочли их убить.

– Твоему Салазару, должно быть, есть что скрывать.

– Он просто хочет, чтобы его оставили в покое. Ему не нравится, когда ваше правительство сует нос в его жизнь.

– Наш человек мертв? – спросил Люк.

– Даже если и нет, то скоро будет мертв. Мы рассчитывали заманить вас в то самое место, где его содержат, и разобраться сразу со всеми. Но вы всё испортили, натравив полицейских на моих людей.

– Прошу меня извинить, – язвительно ответил Малоун.

– Будет лучше, если мы разделимся с вами здесь. Пустой склад – что может быть удобнее? А пока подождем, когда сюда подтянутся мои люди.

– Они знают, где нас искать? – поинтересовался Малоун.

Кирк пожал плечами.

– Для этой цели сгодятся мобильники.

Похоже, пора действовать.

– Так ты данит? – спросил он у Кирка.

– Самый настоящий и преданный своему долгу. А теперь бросай оружие.

Сразу видно, что парень – любитель. Лишь идиот требует у противника бросить оружие. Профессионал всегда его отбирает.

Малоун сунул руку за борт пиджака и нащупал свою «беретту». Но вместо того, чтобы бросить пистолет на пол, нацелил его на Кирка. Тот отпрянул назад, но дула от виска Люка не отвел.

– Не глупи, – пригрозил он. – Иначе я убью его.

Малоун пожал плечами.

– Давай. Мне наплевать. Я уже устал от этого засранца.

Правым глазом он покосился на короткий ствол «беретты». В последний раз Коттон был в тире четыре года назад. Навык уже, конечно, не тот, но тогда, в открытом море, выяснилось, что стреляет он все еще неплохо. Правда, здесь темно. Тем не менее он отбросил сомнения и прицелился.

– Брось пистолет на пол! – повторил Кирк, повысив голос.

Взгляд Люка был прикован к «беретте», однако парень старался не терять хладнокровия. Малоун мог ему только посочувствовать. Оказаться между двумя стволами – да, такому не позавидуешь.

– Считаю до трех, – сказал в ответ Коттон. – Пистолет лучше опустить прежде, чем я закончу счет.

– Не будь идиотом, Малоун. Мои люди будут здесь через секунду.

– Один.

Он увидел, как напрягся палец Кирка, прижатый к спусковому крючку. Дилемма ясна. Либо Кирк сейчас прикончит Люка, пустив ему пулю в голову – и тогда Малоун стреляет в него, – либо разворачивается и стреляет в Малоуна. Впрочем, он вряд ли успеет: пуля, выпущенная из «беретты», окажется быстрее его. Единственное разумное решение при данном раскладе – опустить пистолет. Впрочем, любители редко поступают правильно.

– Два.

Коттон нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел. Пуля впиалась Кирку в голову, и он качнулся назад. Взмахнув руками, данит повалился на бок и рухнул на пол.

– Три.

– Да ты рехнулся, чувак! – крикнул Люк. – Ты едва не отстрелил мне ухо!

– Забери его пистолет.

Люк уже и сам потянулся за «пушкой» данита.

– Малоун, тебе место в психушке. Смотрю, ты любитель вышибать чужие мозги... Я мог бы скрутить его. Мы могли бы взять его живьем и потом расколоть.

– Можно подумать, у меня был выбор... Этот козел был прав. Скоро сюда пожалуют гости.

Малоун открыл дверь и, выглянув на мощенную брусчаткой улочку, проверил, нет ли опасности. Неужели никто не услышал выстрел? В тридцати футах от него на соседней улице прогуливались люди. Площадь Эйбро находилась левее, примерно в пятидесяти футах отсюда. Впереди маячила громада собора Святого Николая с его подсвеченным зеленым куполом.

– Забери у него телефон! – велел он Люку.

– Уже забрал. В таких вещах я кое-что соображаю.

– Тогда перетащи тело вон туда, за те прилавки, и быстрее пойдем отсюда.

Сделав, что ему было сказано, Люк направился к двери.

Они вышли наружу и зашагали по тихому переулку в сторону многолюдной Конгенс Нюторв, самой шумной из площадей города. Плотный поток машин медленно объезжал статую короля Христиана V. Королевский театр был ярко освещен, так же как и отель «Англе-

тер». В кафешках квартала Ньюхавн, на дальнем краю площади, примыкающем к берегу, было полно людей.

Да, он сумел задержать двух данитов на площади Эйбро, однако полицейские их скоро отпустят. Если Кирк говорил правду и даниты идут по его следу, им с Люком нужно потопиться. Малоун зорко оглядывал запруженную людьми площадь, лихорадочно обдумывая правильное решение.

Они перешли улицу и поспешили к автобусной остановке.

В Копенгагене замечательный общественный транспорт. Коттон частенько им пользовался. Автобусы ходили весь день, каждые несколько минут. Вот и сейчас один уже стоял у тротуара, выпуская пассажиров и впуская новых.

– Телефон, – сказал Малоун Люку, и тот протянул ему мобильник.

Коттон небрежно сунул его за задний бампер автобуса. Двери закрылись, и автобус поехал в северном направлении, к королевскому дворцу.

– Это на время займет внимание тех, кто нас ищет, – пояснил он.

– Думаешь, он говорил правду?

Малоун кивнул.

– Он рисковал, когда раскрыл свои карты. Ошибочно полагал, что контролирует ситуацию.

– Верно. Чувак облажался. Он не знал, что имеет дело с безбашенным ковбоем.

– Мы должны лично наведаться в то место, которое он упомянул, хотя это и пахнет явной подставой. – Коттон указал в южном направлении. – Моя машина припаркована там, в нескольких кварталах отсюда. Где находится поместье Салазара?

– В Калуннборге.

Глава 13

Калуннборг, Дания

23.00

Салазар пребывал в прекрасном настроении. Еще бы, он ужинал в обществе Кассиопеи, которая спустя столько лет вновь вернулась в его жизнь! Первый раз она позвонила ему несколько месяцев назад, что стало для него приятной неожиданностью. Он тосковал по ней. Кассиопея была его первой любовью. Наивный юноша, он тогда верил, что в один прекрасный день она станет его женой...

К сожалению, любовь продлилась недолго.

– *Из этого ничего не получится, – сказала она ему.*

– *Я люблю тебя. Ты это знаешь.*

– *У меня к тебе глубокие чувства, но... у нас слишком разные взгляды.*

– *Вера не должна разлучить нас.*

– *Однако же разлучает, – возразила Кассиопея. – Ты – истинно верующий. Книга Мормона для тебя священна. Она – твой главный ориентир в жизни. Я это уважаю. Но и ты должен уважать то, что для меня она – не совсем то, что для тебя.*

– *Наши родители веровали, а теперь и я.*

– *У меня и с ними были разногласия.*

– *Значит, ты отказываешься следовать велению сердца?*

– *Наверное, нам лучше расстаться друзьями, прежде чем я разозлюсь на тебя.*

В одном она была права. Вера – вот что для него самое главное. *Никакой деловой успех неспособен компенсировать разлад в семье.* Этому учил Дэвид Маккей. Лишь вместе муж и жена способны обрести на небесах жизнь вечную. Даже если согрешит кто-то один, в спасении будет отказано обоим. Брак – это вечные нерасторжимые узы между мужчиной и женщиной. Семья земная является зеркальным отражением семьи небесной. И та и другая предполагают абсолютную верность.

– Я слышала про твою жену. Прими мои соболезнования, – сказала Кассиопея.

Салазар женился менее чем через год после того, как они с Кассиопеей расстались. Он сочетался браком с прекрасной женщиной из Мадрида, истинно верующей, страстно почитающей Пророков. Они безуспешно пытались завести детей, однако врачи сказали, что, по всей видимости, его супруга бесплодна.

Хусепе воспринял это как Божью волю и принял запрет. Затем, четыре года назад, она погибла в автокатастрофе. Эту трагедию он тоже воспринял как Божью волю. Как знак, намекавший, что ему нужно изменить направление своей жизни. И вот теперь эта волнующая, восхитительная женщина из прошлого снова рядом с ним. Неужели это новый знак?

– Понимаю, как тебе было тяжело, – произнесла Кассиопея, и его тронуло ее сочувствие.

– Я пытаюсь сохранить в памяти ее образ. Боль утраты никуда не делась. Не стану этого отрицать. Наверное, поэтому я и не искал себе новую жену, но... – Хусепе на минуту умолк. – Хочу задать тебе вопрос. Ты была замужем?

Кассиопея отрицательно покачала головой.

– Это печально, верно?

Он с удовольствием ел принесенную треску, Кассиопея с таким же удовольствием поглощала лежавшие на ее тарелке балтийские креветки. Салазар обратил внимание, что она не стала заказывать вино, отдав предпочтение минеральной воде. Алкоголь не зря запрещен

его религией. Хусепе был убежден, что под его воздействием люди говорили и делали то, о чем им впоследствии приходилось жалеть. Сам он никогда не пил вина.

Кассиопея сегодня была хороша. Темные вьющиеся волосы, спадавшие ниже плеч, обрамляли знакомое с детства лицо: тонкие брови, высокие скулы и слегка курносый носик. Смуглая кожа была все такой же безупречной, что и раньше, шея – идеально гладкой. Женщина буквально лучилась чувственностью, правда, чувственностью спокойной и сдержанной.

Истинно небесная красота.

«Любовь – это постоянное, неувядаемое качество, наделенное силой, способной поднимать нас над злом. Она – суть благой вести. Она – залог праведной жизни. Она – маяк надежды в мире страданий».

Это ему известно.

Как хорошо, что ангел оберегает его! Он ни разу его не подвел. Он всегда прав.

Неувядаемая. Всегда правая.

– О чем ты думаешь? – спросила Кассиопея.

Она, как магнитом, притягивала его к себе.

– О том, как замечательно встретить тебя снова, пусть даже всего на несколько дней.

– С тебя хватит всего нескольких дней?

– Нет. Но я помню наш последний разговор много лет назад, когда ты призналась, как относишься к нашей религии. Хочу предупредить заранее, в этом смысле ничего не изменилось.

– Но ведь я уже сказала, в жизни многое изменилось... в том числе и для меня.

Он ждал, что она скажет дальше.

– Недавно я сделала то, чего не делала в юности, – сказала она, глядя ему в глаза. – Я прочла Книгу Мормона. Всю, до последнего слова. И когда закончила читать, поняла, что все в ней – абсолютная правда.

Салазар отложил вилку и весь обратился в слух.

– И тогда я поняла, что моя нынешняя жизнь недостойна моего рождения. Я родилась и была крещена в мормонской вере, но никогда не исповедовала ее. Мой отец возглавлял одну из первых мормонских епархий в Испании. И он, и моя мать были истинно верующими. Пока родители были живы, я оставалась примерной дочерью и делала то, что они велели.

Кассиопея на минуту умолкла.

– Но я никогда не верила по-настоящему. И даже не предполагала, какое впечатление произведет на меня эта книга. Как будто незримый голос нашептывал мне на ухо, подсказывая, что то, о чем я читаю, – истинно. Слезы катились по моим щекам, когда я все-таки приняла дар Святого Духа, впервые дарованный мне еще в детстве.

Салазар не раз слышал подобные истории от новообращенных из всех уголков Европы. Его собственная епархия в Испании насчитывала примерно пять тысяч «святых», объединенных в двенадцать общин. Будучи членом Первого Кворума Семидесяти, он надзирал за епархиями континентальной Европы. Каждый день их ряды пополнялись неопитами, у которых на лице жила та же радость, что и на лице Кассиопеи.

И это было прекрасно.

Будь это одиннадцать лет назад, они наверняка стали бы мужем и женой. Но, может, небеса дают ему новый шанс?

– Меня поразила истинность того, что я прочла, – призналась Кассиопея. – Книга убедила меня. Я поняла: это Святой Дух подтверждал истину каждой страницы.

– Я хорошо помню свой первый раз, – сказал Салазар. – Мне было пятнадцать лет. Мой отец читал Книгу Мормона вместе со мной. Я твердо уверовал в то, что Джозеф Смит

узрел Бога и Сына Его и услышал небесный голос, повелевавший не исповедовать никакую другую религию. Вместо этого ему было поручено восстановить *истинную* Церковь. Это откровение ведет меня за собой уже долгие годы. Оно дарует мне силы, помогает всем сердцем сосредоточиться на том, что я должен сделать.

– Какой же слепой и глупой я была все эти годы, – призналась Кассиопея. – И вот решила сказать тебе об этом, Хусепе. Поэтому я здесь.

Ее слова стали музыкой для его ушей.

Какое-то время они ели молча. Нервы Салазара были натянуты как струна – от того, что произошло днем, и от того, что происходило сейчас. Он пытался позвонить Старейшине Роуэну, доложить о том, что узнал от вражеского агента, но не сумел дозвониться.

Неожиданно в кармане завибрировал сотовый телефон. В иной ситуации он проигнорировал бы его, но в данный момент ждал ответного звонка из Юты и отчета из Копенгагена.

– Извини.

Хусепе посмотрел на дисплей. Текстовое сообщение.

Движемся вслед за Кирком. Он куда-то направляется.

– Какие-то проблемы? – поинтересовалась Кассиопея.

– Напротив. Хорошие новости. Еще один удачный бизнес-проект.

– Я заметила, что ваш семейный бизнес процветает, – сказала она. – Твой отец гордился бы тобой.

– В нашей компании трудятся мои братья и сестры. Делают всю рутинную работу, причем вот уже пять лет. К счастью, они понимают, что теперь для меня на первом месте Церковь.

– Для члена Кворума Семидесяти это необязательно.

– Знаю, – кивнул Салазар. – Но это мой личный выбор.

– Готовишься стать Апостолом?

Салазар улыбнулся.

– Наверное, об этом еще рано думать.

– А по-моему, ты – идеальная кандидатура.

Может быть. Он на это надеется.

Тебя изберут, Хусепе. Этот день настанет.

– Если такова будет воля Небесного Отца и Пророка, – ответил он.

Глава 14

Солт-Лейк-Сити

Роуэн помог Пророку Сноу подняться по каменным ступенькам и войти в восточные двери. Через четыре дня после того, как первые переселенцы вышли к берегам Соленого озера, Бригам Янг ткнул тростью в землю и заявил: *«Здесь воздвигнем мы храм Господу нашему!»* Строительство началось в 1853 году и продолжалось сорок лет. Большую часть работ выполнили те первые «святые». Использовались лишь самые лучшие материалы. Стены высотой в двести футов были облицованы кварцевым монцитом. Его на волах доставляли из каменоломен, расположенных в двадцати милях от места строительства храма.

Возведенные стены имели в основании толщину девять футов, утончаясь кверху до шести футов. Площадь храма под куполом составляла 253 тысячи квадратных футов. Четыре этажа, каждый из которых увенчан золотой статуей ангела Морония, а также изящные шпили стали своего рода визитной карточкой храма.

Сам храм был исполнен символизма.

Три восточные башни олицетворяли Первое Председательство. Двенадцать шпилей, вздымавшихся над башнями, символизировали Двенадцать Апостолов. Башни западной стороны суть действующие епископы и Верховный Совет Церкви. Башни восточной стороны были на шесть футов выше, чтобы подчеркнуть их главенство. Зубчатые – как у замков – стены символизировали отгороженность от остального мира и защиту святых таинств, свершавшихся в этих стенах. Храм как будто заявлял всем своим видом, что никому никогда не разрушить его величественную громаду – в отличие от первых храмов в Миссури и Иллинойсе.

Каждую из центральных башен венчало «око», символизировавшее Всевидящее Око Господне. Земные камни, лунные камни, солнечные камни, облачные камни, звездные камни – все они рассказывали историю Царства Небесного и обещали спасение. Один из первых Старейшин лучше всех выразил их суть, сказав: *«Каждый камень – это проповедь»*.

Роуэн был с ним согласен.

Ветхий Завет учит, что храмы – это дома Божьи. Теперь по всему миру у его Церкви 130 храмов. Этот высится на десяти акрах земли в самом центре Солт-Лейк-Сити. Позади него – Овальная Скиния (Табернакль) с огромным органом, а рядом – старый Зал Собраний. Неподалеку – два современных гостиничных центра. На другой стороне улицы стоит внушительных размеров конференц-центр, способный вместить 20 тысяч человек.

Переступить порог храма могли лишь те верующие, которые удостоились «храмовой рекомендации». Для этого «святой» должен верить в Бога-Отца и Христа как своего личного Спасителя. Он должен поддерживать Церковь, разделять все ее учения, включая закон благочестия, предписывающий отказ от сексуальных отношений вне брака. Должен быть честным, не обижать жену и детей, соблюдать моральную чистоту и платить ежегодно церковную десятину. Он также обязан свято блюсти все обеты и ежедневно и еженощно носить храмовую одежду. Полученная с разрешения епископа и главы епархии, такая рекомендация была действительна в течение двух лет.

Получить «храмовую рекомендацию» мечтали все «святые».

Роуэн удостоился чести войти в храм в девятнадцать лет, будучи юным миссионером. С тех пор получал рекомендацию постоянно. В данный момент он был вторым лицом в церковной иерархии. Через несколько месяцев он, похоже, станет новым Пророком.

– Куда мы идем? – спросил сенатор у Сноу.

Старик еле передвигал ноги, но вошел в двери самостоятельно.

– Ты должен кое-что увидеть.

Поднимаясь по ступенькам церковной иерархии, Роуэн узнавал все больше и больше тайной информации. Церковь всегда состояла из отдельных ячеек, информация передавалась в вертикальном и горизонтальном направлениях на строго конфиденциальной основе. Поэтому вполне естественно, что некоторые сведения были известны лишь главе Церкви.

На лестничной площадке их ждали два молодых храмовых служащих. Обычно внутри служили только старики, но эти двое были исключением из правил.

– Мы будем переодеваться? – спросил он у Пророка.

Как правило, внутри храма можно было находиться лишь в белых одеждах.

– Нет. Здесь лишь я и ты. – Сноу подошел к тем двоим и сказал: – Спасибо за помощь. Боюсь, что мои ноги не позволят мне подняться самостоятельно.

Молодые люди кивнули, с благоговением глядя на Пророка. Никто, кроме Апостолов, не должен видеть, как они оказывают помощь. Сноу сел на их переплетенные руки, и они приподняли с голубого ковра его хрупкое тело. Придерживаясь за отполированные до блеска перила, Роуэн последовал за ними вверх по лестнице.

Они поднялись на третий этаж и вошли в зал собраний.

Белые стены, белый ковер, белый потолок – все здесь служило символом абсолютной чистоты. Под потолком яркие люстры в стиле Викторианской эпохи. Полукругом на ковре расставлены пятнадцать кресел. Двенадцать из них развернуты к южной стене. Напротив – простой стол и ряд из трех кресел. Центральное предназначалось Пророку.

Усадив в него Сноу, оба молодых человека вышли и закрыли за собой дверь.

– Для нас это самое надежное место на всей планете, – произнес Сноу. – Здесь я чувствую себя в полной безопасности.

Долгое время так считал и Роуэн.

– То, о чем мы сейчас будем говорить, должно остаться между нами. Исключение может быть сделано лишь для следующего Пророка. Твой долг – передать ему это знание.

Они еще ни разу не обсуждали кандидатуру возможного преемника.

– Ты считаешь, что выберут меня?

– Так уж у нас заведено. Ты – следующий. Вряд ли Апостолы отойдут от традиции.

Двенадцать кресел, расставленных полукругом, предназначались для Апостолов. Кресло Роуэна было в центре этого полукруга, прямо перед столом, который служил символическим барьером между ним и Пророком. По обе стороны от Пророка обычно садились два советника Первого Председательства. Роуэн уже задумывался о том, кого он выберет себе в помощники, когда придет его время стать новым Пророком.

– Оглянись по сторонам, Таддеус, – сказал Сноу надтреснутым голосом. – За нами наблюдают Пророки. Всем им не терпится увидеть, как ты поведешь себя, когда я кое-что тебе расскажу.

Белые стены украшала череда из шестнадцати портретов в позолоченных рамах. Это были портреты шестнадцати предшественников Сноу.

– Скоро здесь будет висеть и мой портрет, – сказал старик и указал на пустое место среди портретов. – Повесь его там, чтобы я всегда был у тебя перед глазами.

На столе перед Сноу стоял простой деревянный ящик примерно в два фута в длину и фут в ширину. Крышка была закрыта. Роуэн сразу заметил его и смутно понял, почему он находится здесь.

Сноу уловил его интерес.

– Я принес его из закрытого архива, куда имеют доступ только Пророки.

– Но я пока не Пророк.

– Но ты скоро им станешь. И потому тебе полагается кое-что знать. Мне об этом сообщил мой предшественник, когда я, как и ты, был преемником и возглавлял Кворум Двенадцати. Помнишь, что случилось здесь, в храме, в тысяча девятьсот девяносто третьем году? С архивным камнем? История эта стала легендой. Возле юго-восточного угла храма была выкопана яма глубиной десять футов. Сделано это было для того, чтобы найти пустотелый каменный блок. В тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году при возведении храма Бригам Янг положил в него книги, брошюры, газеты и коллекцию золотых монет номиналом два с половиной доллара, пять долларов, десять и двадцать долларов. Этакое своеобразное послание из прошлого. Своего рода капсула времени. Камень нашли, но он оказался треснутым, и большая часть бумаг внутри его сгнила.

Да, чудом сохранились отдельные фрагменты, которые поместили в церковный архив. Часть их время от времени выставлялась в Исторической библиотеке. В 1993 году Роуэн начинал свой третий срок в Сенате и только-только поднялся до ранга Апостола. 13 августа его здесь не было, и он не присутствовал при выемке содержимого «капсулы времени» спустя ровно 136 лет после того, как она была замурована.

– Я там был, – продолжил Сноу. – Из дыры в камне достали несколько ведер бумажной каши, что-то вроде папье-маше. Однако золотые монеты сохранились прекрасно. Они были отчеканены здесь, в Солт-Лейк-Сити. Есть у золота особое свойство – время над ним не властно. Но бумага была безнадежно испорчена. Влага сделала свое дело. – Пророк помолчал, затем заговорил снова: – Меня всегда мучил вопрос, зачем Бригам Янг положил туда золотые монеты. Это казалось мне неуместным. Возможно, это был намек, что есть вещи, неподвластные времени.

– Ты говоришь загадками, Чарльз.

Лишь здесь, в храме, за закрытыми дверями этой комнаты, он мог называть Пророка по имени.

– Бригам Янг был далек от совершенства, – ответил Сноу. – Он нередко заблуждался в своих суждениях. Бригам был человеком, как и все мы. В том, что касается нашего пропавшего золота, он вполне мог допустить прискорбную ошибку. Но в том, что касается Авраама Линкольна, он мог допустить еще большую.

Глава 15

Дания

Сидя за рулем «Мазды», Малоун выехал из Копенгагена и быстро преодолел шестьдесят миль в направлении Калуннборга и северо-западного побережья Зеландии, чему способствовало хорошее четырехполосное шоссе.

– Ты тоже заподозрил Кирка? – спросил он у Люка.

– Он слишком много болтал в твоём магазине. Что тебе сказала по телефону Стефани?

– Достаточно, чтобы я понял, что этот Кирк – личность темная.

– Когда он подкрался ко мне сзади с пистолетом, я подумал, что будет лучше немного подыграть ему. Хотелось понаблюдать за его последующими действиями. Потом я понял, что ты тоже это просек. Чего я не предполагал, так это что ты решишь поиграть со мной в Вильгельма Телля.

– Слава богу, глаз у меня пока зоркий... для моего возраста.

У Люка зазвонил сотовый телефон. Малоун сразу понял, кто это.

Стефани.

Люк слушал ее с каменным лицом, что от него и требовалось. Коттон вспомнил свои старые разговоры с бывшей начальницей, когда она сообщала лишь то, без чего ему нельзя было выполнить свою работу. Но ни крупницей больше.

Люк выключил телефон, после чего сказал Малоуну, как подъехать к поместью Салазара. Владения испанца раскинулись к северу от города, на берегу моря. Машину они оставили в лесу, подальше от автострады, метрах в трехстах к востоку от подъездной дороги.

– Я знаю здешние места, – сообщил Люк – У Салазара тут приличный кусок земли. На участке несколько зданий. Мы сможем подобраться к ним через лес.

С этими словами он шагнул в ночную тьму.

Они оба были вооружены – у Люка теперь был пистолет Кирка.

Малоун же вновь оказался втянут в игру, от которой он вроде как отошел и не собирался больше в нее играть. Три года назад Коттон решил, что игра эта попросту не стоит свеч, зато перспектива стать хозяином букинистического магазина была чересчур соблазнительна, чтобы ей можно было сопротивляться. Сколько себя помнил, он всегда был библиофилом. Неудивительно, что Малоун ухватился за эту возможность, перебрался в Европу и начал все сначала.

Правда, все имеет свою цену. За все в этой жизни приходится платить.

С другой стороны, умный человек всегда знает, чего он хочет.

Эта новая жизнь ему нравилась.

И вот нате вам – некий агент попал в переделку... Его самого выручали не раз. Теперь его долг – отплатить добром за добро.

Риск? Что ж, без него никак.

Они вышли на посыпанную гравием дорогу, которая проходила мимо сложенных из кирпича ворот. Густой полог листвы закрывал потемневшее небо. Малоун испытал знакомое возбуждение. Где-то вдалеке, подобно огоньку свечи на ветру, сквозь листву мерцал тусклый желтый свет. По всей видимости, человеческое жильё.

– По имеющимся сведениям, – прошептал Люк, – охраны там нет. Видеокамер нет. Сигнализации тоже. Салазар старается не привлекать к себе внимания.

– Доверчивая душа.

– Говорят, все мормоны такие.

– Но они далеко не дураки.

У него из головы не выходили даниты. Те два человека на площади Эйбро были вполне реальными. Что, если здесь, в окружавшей их со всех сторон темноте, затаился невидимый враг? Все может быть. Коттон по-прежнему был уверен, что это ловушка. Хочется надеяться, что сообщники Кирка все еще идут по следу сотового телефона, который он сунул за бампер автобуса.

Они благополучно вышли из леса; Малоун разглядел в темноте очертания трех зданий. Небольшой кирпичный дом – двухэтажный, с остроконечной крышей. Рядом два домика поменьше. В двух окнах большого дома чуть выше земли горел свет. Скорее всего, это подвальные окна.

Стараясь держаться в тени, Малоун и Люк метнулись к задней части дома и обнаружили лесенку, что вела в цокольный этаж. Люк спустился по ней. К великому удивлению Коттона, дверь оказалась не заперта.

Люк вопросительно посмотрел на него.

Как-то все подозрительно легко и просто.

Оба достали пистолеты.

За дверью оказался подвал, тянувшийся вдоль всей длины дома. Кирпичные своды поддерживали верхние этажи. Многочисленные закоулки наводили на тревожные мысли. Повсюду грудями лежал инвентарь для садовых работ.

Туда, беззвучно, одними губами, произнес Люк.

Малоун посмотрел в указанном направлении.

Одну из арок перегораживали металлические прутья. Внутри, прислоненный к стене, лежал человек с пулей в голове. Перед смертью несчастного явно пытали. Лицо покойника являло собой кровавое месиво. Подойдя ближе, они увидели по эту сторону решетки ведро с водой и ковш. Здесь было темнее, потому что окон рядом не было. Пол в камере твердый и сухой, словно выжженная земля пустыни. Железная дверь заперта, ключа нигде не видно.

Люк опустился на корточки и посмотрел на своего спутника

– Я его знал. Мы как-то раз работали вместе. У него есть семья.

Малоуна слегка мутило. Он сглотнул набежавшую в рот слюну и опустился на колени рядом с ведром.

– Ты же понимаешь, Салазару хотелось, чтобы ты это обнаружил. Уверен, с нами он рассчитывал сделать то же самое.

Люк встал.

– Я понял. Он считает нас дураками. Я убью этого сукина сына.

– И что потом?

– У тебя есть идея получше?

Малоун пожал плечами.

– Это твое цирковое представление, а не мое. У меня лишь ограниченный ангажемент, который, похоже, истек.

– Ты слишком давно об этом твердишь. Самое время начать в это верить.

– А ты можешь совершить забег по открытой местности. Эти парни все еще наверняка гоняются за автобусом. Впрочем, не исключаю, что кто-то дожидается нас здесь.

Люк покачал головой.

– Салазар платит только пятерым. Трое мертвы. Еще двое находились на площади.

– Ну ты просто кладезь информации! Вот только почему ты не поделился ею заранее? Я был бы крайне тебе признателен.

Коттон понимал, что Люку не терпится от него отделаться. Да и он сам не любитель работать с напарниками, особенно непокорными, как этот парень. Он был готов начать действовать в одиночку. Оставался, конечно, вопрос с полицией Копенгагена, но пусть с ней разбирается Стефани.

– Я должен сделать свою работу, – заявил Люк. – Можешь подождать в машине. Малоун заблокировал путь отхода.

– Только не надо морочить мне голову. Что Стефани сказала тебе, когда мы ехали сюда?

– Послушай, старикан, у меня нет времени для объяснений. Прочь с дороги и возвращайся в свою книжную лавку. Оставь это дело профессионалам.

От Малоуна не скрылась горечь в его голосе. И он понял. Потерять агента – это всегда трагедия. Для всех.

– Я обещал Стефани, что помогу в этом деле. Что я и собираюсь сделать, нравится тебе это или нет. Предполагаю, тебе интересно посмотреть на дом, заглянуть в тот кабинет, о котором как бы невзначай обмолвился Кирк, верно?

– Это моя работа. У меня нет выбора.

Они вышли из подвала и двинулись через лес на запад, параллельно берегу моря, слыша, как вдалеке шумит прибой. Освещенный особняк, к которому они вышли, оказался прекрасным образцом датского барокко. Три этажа, три крыла, шатровая крыша. Снаружи дом был облицован красным кирпичом – вернее, голландским клинкером, Малоун недавно узнал это название. Он насчитал с ближней стороны тридцать окон. Из них свет горел всего в нескольких и лишь на первом этаже.

– Дома никого нет, – сказал Люк.

– Откуда ты знаешь?

– Хозяин вечером должен был куда-то уехать.

Это, да и не только это, ему сообщила по телефону Стефани.

Они держались задней стены дома, где внушительных размеров терраса была обращена к черной водной глади моря, что раскинулось примерно в пятидесяти метрах от дома. На террасу выходил ряд дверей и окон.

Люк попробовал засовы. Заперто.

Внутри вспыхнул свет. От неожиданности оба вздрогнули.

Малоун бросился влево, в кусты, где можно было укрыться в темноте возле внешней стены. Люк спрятался в подобном месте, но на противоположном конце террасы. Теперь их разделял ряд застекленных створчатых дверей и высоких окон. Оба выглянули из-за угла на освещенную комнату. Взгляду обоих предстала гостиная с красными стенами и элегантной мебелью, зеркалами в позолоченных рамах и картинами.

И два человека.

Одно лицо – мужское – он не узнал. Но не нужно быть специалистом по ракетостроению, чтобы узнать, кто это такой.

Хусепе Салазар.

Второе явилось для него неприятной неожиданностью. О том, что она как-то связана с этим делом, никто даже не заикнулся.

Ни Стефани. Ни этот балбес Люк.

Никто.

И все-таки она почему-то оказалась здесь.

Его подруга. Кассиопея Витт.

Часть вторая

Глава 16

Кассиопея Витт искренне восхищалась интерьером особняка Хусепе Салазара. Каждая деталь здесь служила свидетельством безупречного вкуса его матери. Помнится, это была тихая, утонченная женщина, неизменно уважавшая мужа и заботившаяся о семье. Ее собственная мать была такой же. Именно эта пассивность обеих женщин и стала одной из причин, почему она порвала с Хусепе и религией своих родителей. Эти заповеди могут быть хороши для кого угодно, но зависимость и уязвимость – не в ее характере.

– Я оставил меблировку почти такой, какую в свое время подобрала мать. Мне всегда нравился ее вкус, и я решил, что ничего не стану менять. Когда я бываю здесь, то сразу вспоминаю ее.

Хусепе оставался все тем же красавцем. Высокий, прекрасно сложенный, с типично испанской смуглой кожей и густыми черными волосами. В его выразительных карих глазах читалась уверенность в себе и спокойная сила. Хорошо образованный, прекрасно владеющий несколькими иностранными языками, он добился больших успехов в бизнесе. Его семейное предприятие – так же, как и ее – имело филиалы по всей Европе и в Африке. И так же, как и она, Хусепе мог ни в чем себе не отказывать. Однако, в отличие от нее, он решил посвятить себя религии.

– Ты много времени проводишь здесь? – спросила Кассиопея.

Салазар кивнул.

– Моим братьям и сестрам это место не по душе. Так что я с радостью провожу здесь лето. Но скоро вернусь на зиму в Испанию.

Она никогда не гостила у Салазаров в Дании. Лишь в Испании, где они жили всего в нескольких километрах от ее фамильного поместья.

Кассиопея подошла к высоким застекленным дверям, выходящим на темную террасу. Хусепе встал с ней рядом.

– Представляю, какой отсюда прекрасный вид на океан.

– Ты права. Вид изумительный.

– Отсюда открывается превосходный вид.

С этими словами он опустил вниз дверную ручку и распахнул дверь, впуская в гостиную ночную прохладу.

– Какое чудо! – восхитилась Кассиопея.

В душе она стыдилась себя. Весь вечер она лгала тому, кого когда-то любила. Нет, она не испытала никакого духовного пробуждения. Она не читала Книгу Мормона. Однажды, подростком, попыталась это сделать, но не осилила и десятка страниц. Ее всегда удивляло, почему верующие мормоны с таким благоговением воспринимают историю давно исчезнувших народов. Ведь от нефийцев⁴ ничего не осталось. Ни потомков, ни единого следа их цивилизации. Чему тут подражать?

Но она сказала себе, что это обман во благо. Без него нельзя.

Ее старая любовь, Хусепе Салазар, оказался втянут в нечто настолько важное, что им заинтересовалось Министерство юстиции США. На прошлой неделе Стефани сообщила,

⁴ Нефийцы – мифический древний народ, согласно учению мормонов живший на американском континенте; назван по имени своего пророка и лидера Нефия.

что Хусепе мог оказаться причастным к смерти ее агента. Ничего определенного, но достаточно, чтобы вызвать подозрения.

Кассиопее во все это верилось с трудом.

– Всего лишь небольшая разведка – вот что мне нужно, – заявила Стефани полгода назад. – Салазар может рассказать тебе то, что не расскажет больше никому.

– Почему ты так считаешь?

– Тебе известно, что в его доме в Испании имеется фотография, на которой вы с ним сняты вместе? Судя по всему, ваша встреча состоялась много лет назад. Рядом с его рабочим столом, среди других семейных фотоснимков. Вот я и решила обратиться к тебе с просьбой. Мужчина не станет держать подобный снимок перед собой без особой причины.

Верно, не станет. Особенно тот, кто был женат и потерял жену.

Затем на прошлой неделе Стефани спросила у нее, не может ли она ускорить встречу с Салазаром. И тут же организовала поездку в Данию.

Когда-то Кассиопея думала, что любит Хусепе. Он точно любил ее и, пожалуй, до сих пор сохранил к ней теплые чувства. За ужином он удержал ее руку в своей дольше положенного – явно неспроста. Она же продолжила играть отведенную ей роль, чтобы доказать и Стефани, и себе самой, что все эти утверждения беспочвенны.

Она просто обязана это сделать – ради Хусепе. Судя по всему, он ничего не подозревал. Ей же хотелось бы надеяться, что она не совершает ошибки, вселяя в него ложные надежды. В юности он был с ней исключительно добр. Их отношения прервались из-за нее. Это она отказалась от веры, которой придерживался и он сам, и его родители. К счастью, Хусепе нашел ту женщину, которая разделила с ним жизнь. Увы, теперь этой женщины больше нет.

Слишком поздно идти на попятную. Она уже сделала шаг навстречу. Придется полностью включиться в игру.

– По вечерам я обычно сижу или здесь, или на террасе, – объяснил он ей. – Может, нам с тобой стоит понаслаждаться ночным бризом?.. Но прежде я хочу тебе кое-что показать.

Малоун поднялся с земли. Увидев и услышав, как человек, который был с Кассиопеей – скорее всего, это Салазар, – открывает стеклянную дверь, он прижался к живой изгороди. Люк на дальнем конце террасы тоже нырнул в тень. К счастью для обоих, на террасу никто не вышел.

Люк выпрямился. Коттон приблизился к нему и шепотом спросил:

– Ты знал, что она здесь?

Тот кивнул.

Стефани не сочла нужным сказать об этом хотя бы слово – похоже, намеренно. Малоун смахнул налипшие на брюки комочки земли.

Застекленная дверь оставалась открытой. Он жестом поманил за собой Люка.

Салазар отвел Кассиопею через первый этаж в библиотеку, некогда принадлежавшую его деду. Именно от него, деда по материнской линии, он научился ценить порядок, который царил в самом начале Церкви, когда вера была превыше всего. Увы, потом все изменилось, и на смену вере пришел *конформизм*.

Как же он ненавидел это слово!

Америка исповедовала свободу религии: каждому индивиду была дарована свобода совести, а Церковь отделена от государства. Увы, ничто не может быть дальше от истины,

чем это. «Святым» в этой стране преследовали с самого начала. Первым местом преследований стал Нью-Йорк, где была основана Церковь. Местом исхода стал Огайо, но нападки продолжились и там.

Затем конгрегация переместилась в Миссури, где прокатился ряд продолжительных беспорядков, повлекших за собой смерти и разрушения. Из Миссури «святые» бежали в Иллинойс, однако насилие не прекратилось и в конечном итоге вылилось в трагедию. «Святые» в очередной раз стали жертвами беснующейся толпы.

Всякий раз, стоило Хусепе подумать об этом дне, ему становилось не по себе.

27 июня 1844 года.

В Карфагене, штат Иллинойс, были убиты Джозеф Смит и его брат. Тем самым враги надеялись уничтожить саму Церковь. Но случилось прямо противоположное. Мученическая смерть Смита лишь теснее сплотила его сторонников. «Святые» не только выстояли – их ряды стали расти, а их Церковь – процветать. Что лично Салазар воспринимал как божественное вмешательство.

Хусепе открыл дверь библиотеки и пригласил гостью войти. Он нарочно заранее зажег здесь свет, надеясь, что у него будет возможность привести ее сюда. Салазар не мог прийти сюда раньше, поскольку в камере неподалеку содержался пленник. В данный момент душа нечестивца уже, по всей видимости, находится на пути к Небесному Отцу, кровью получив туда доступ. Хусепе был доволен: ведь это он даровал врагу такую милость.

– *Не проливай ничьей крови, если только это не нужно во имя спасения грешника,* – не раз говорил Салазару ангел.

– Я привел тебя сюда, чтобы показать один раритет, – объяснил он Кассиопее. – После нашей с тобой последней встречи я начал приобретать вещи, связанные с историей «святых». У меня собралась их большая коллекция, которую я храню в Испании. Недавно я удостоился чести принять участие в одном специальном проекте.

– Это как-то связано с Церковью?

Салазар кивнул.

– На меня пал выбор одного из Старейшин. Выдающийся человек, он попросил меня поработать непосредственно на него. Обычно я никому не говорю о таких вещах, но думаю, что ты оценишь мою откровенность.

Салазар подошел к письменному столу и указал на лежащую там старую потрепанную книгу в кожаном переплете.

– Эдвин Раштон был одним из первых «святых». Он лично знал Джозефа Смита и был его близким соратником. Он вошел в число тех, кто похоронил Пророка Смита, принявшего мученическую смерть.

Похоже, Кассиопея слушала его с интересом.

– Раштон был человеком глубоко верующим, он любил Господа и посвятил свою жизнь Церкви. Судьба уготовила ему немало испытаний, и он достойно прошел через них. В конце концов он обосновался в Юте и прожил там до своей смерти в девятьсот четвертом году. Раштон вел дневник – своего рода уникальный отчет о первых годах Церкви, который многие считали утраченным. – Салазар указал на стол. – Недавно он попал в мои руки.

На стоявшем рядом пюпитре была плотная карта Соединенных Штатов. Перехватив взгляд Кассиопеи, Хусепе пометил на ней Шарон, штат Вермонт, Пальмиру, штат Нью-Йорк. Затем Индепенденс в Миссури, Науву в Иллинойсе. И, наконец, Солт-Лейк-Сити, столицу Юты.

– Перед тобой путь «святых» от того места, где родился Пророк, туда, где возникла Церковь, затем в Миссури и Иллинойс, где мы жили какое-то время, и, наконец, наше переселение на запад. Мы пересекли всю Америку и стали частью истории этой страны. Причем даже в большей степени, чем принято думать.

Было видно, что Кассиопея заинтересована.

– Этот дневник – документальное тому свидетельство.

– Похоже, для тебя это крайне важно.

Его мысли были ясны. Его цель – неоспорима.

– *Расскажи ей!* – шепнул голос ангела в его голове.

– Ты слышала о пророчестве Белого Коня?

Кассиопея отрицательно покачала головой.

– Тогда позволь, я прочитаю тебе отрывок из дневника. Он объясняет знаменитое видение...

Малоун сумел подобраться как можно ближе к открытой двери, откуда был слышен разговор Кассиопеи и Салазара. Люк направился к дальней части дома разведать обстановку. Коттон не имел ничего против. Сам он хотел знать, что Кассиопея делает в обществе человека, который убил агента Министерства юстиции США.

Было в этом нечто неправильное, подозрительное.

Кассиопея, женщина, которую он любил, сейчас наедине с этим дьяволом... Но почему?

Они были знакомы вот уже два года. В самом начале их отношения были исключительно дружескими. Лишь в последние месяцы все изменилось: и он, и она поняли, что хотят большего, нежели просто дружба, не желая, однако, заходить в этих отношениях слишком далеко. Нет, он понимал, что они с ней не связаны узами брака и даже не помолвлены и каждый живет той жизнью, какая ему нравится.

Но они разговаривали всего несколько дней назад, и Кассиопея даже словом не обмолвилась о предстоящей поездке в Данию. Более того, она сказала, что всю следующую неделю пробудет во Франции, потому что перестройка замка требует ее присутствия там.

Она ему солгала.

Сколько еще раз она лгала ему?

Стоя снаружи, Малоун заметил Салазара. Высокий, смуглый, густые волнистые волосы. Элегантен, в модном и дорогом костюме. Неужели это ревность? Хочется надеяться, что нет. И тем не менее где-то внизу живота шевельнулось неприятное чувство, которого он не испытывал уже давно. Когда это было в последний раз? Девять лет назад, когда его брак затрещал по швам...

Тогда в этом тоже не было ничего хорошего.

Он услышал слова Салазара о том, что тот недавно приобрел старый дневник. Интересно, подумал Коттон, а не этот ли это раритет Кирк подкинул в качестве приманки, заявив, что его владелец якобы давно мертв? Кстати, не сюда ли Кирк хотел их заманить? Во всяком случае, некий кабинет он упомянул...

Увы, в данный момент Коттон не располагал ответами, способными подтвердить эту гипотезу. И потому велел себе проявить терпение.

Было бы слишком рискованно заглядывать в дверь кабинета. Он и без того рискует, подслушивая в коридоре. Впрочем, почему бы не притаиться в соседней комнате? До нее всего пара метров...

Малоун стоял молча, напряженно вслушиваясь в то, что Салазар зачитывал вслух для Кассиопеи.

Глава 17

6 мая 1843 года состоялся большой смотр легиона «Науву». Пророк Джозеф Смит похвалил ополченцев за их крепкую дисциплину. Погода стояла жаркая, и он попросил воды. Держа в руке стакан, он сказал: *«Произношу тост за свержение тех, кто поддерживает погромщиков. Пусть они окажутся посреди моря в каменном каноэ с железными веслами, и чтобы каноэ проглотила акула, которая, в свою очередь, оказалась бы в чреве дьявола, запертого в северо-западном углу преисподней, ключи от двери которой потеряны и его поисками занимается слепец».*

На следующее утро один человек, который слышал этот тост, вернулся в дом Пророка и оскорбил его настолько грязными ругательствами, что Смит приказал выставить его за дверь.

Они привлекли мое внимание, особенно этот человек, который орал во весь голос. Я подошел к ним в ту минуту, когда человек этот выходил из дома. В те минуты в доме оставались лишь Пророк, Теодор Терли и я. Пророк начал рассказывать о погромах, насмешках и преследовании, которым мы подвергались.

«Пусть наши недруги устраивают свои погромы сколько хотят. Мы не желаем им зла, ибо когда вы увидите их страдания, то вы будете горько плакать за них».

Во время этого разговора мы стояли возле южной калитки треугольником. Повернувшись ко мне, Пророк сказал: «Я хочу рассказать тебе кое-что о будущем. Буду говорить иносказательно, на манер Иоанна Богослова. Вы отправитесь в Скалистые горы и станете там великими могучим народом, который я назову Белым Конем мира и процветания».

– Где будешь в то время ты? – спросил я.

– Я никогда не отправлюсь туда. Ваши враги будут преследовать вас и проведут в Конгрессе враждебные вам законы, чтобы погубить Белого Коня, но у вас будет пара друзей, которые защитят вас и изымут худшие части закона, чтобы тот не причинил вам зла.

Вы будете вынуждены постоянно обращаться с петициями в Конгресс, но к вам будут относиться как к чужакам и не предоставят вам прав, однако будут управлять вами через посторонних людей и посредников. Вы станете свидетелями тому, как едва не будет уничтожена Конституция США. Она в буквальном смысле повиснет на волоске».

В этом месте в голосе пророка прозвучала грусть.

«Я люблю конституцию. Она была создана благоволением и вдохновением Божьим и будет спасена усилиями Белого Коня и Красного Коня, которые объединят свои силы для ее защиты. Белый Конь найдет горы, полные полезных ископаемых, и вы разбогатеете. Вы увидите, как на улицах горами будет лежать серебро. Вы увидите, как золото загребают лопатами, как песок. Ужасная революция произойдет на земле Америки, такая, какой еще не бывало: страна останется без верховного правительства, и повсюду будет твориться невиданное ранее зло. Отец пойдет на сына, а сын на отца. Мать против дочери, а дочь против матери. Повсюду будет царить разгул насилия, который даже невозможно себе представить. Людей оторвут от земли, однако мир и любовь будут лишь в Скалистых горах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.